

Эдуард Веркин

ВЕДЬМИН ДЕНЬ

ОТ ОБЛАДАТЕЛЯ ПРЕМИЙ «КНИГУРУ», «НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ», «ЗАВЕТНАЯ МЕЧТА»

Эдуард Веркин. Триллеры. Что скрыто в темноте?

Эдуард Веркин

Ведьмин день

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

Веркин Э. Н.

Ведьмин день / Э. Н. Веркин — «Эксмо», 2020 — (Эдуард Веркин. Триллеры. Что скрыто в темноте?)

ISBN 978-5-04-108910-8

«Ведьмин день» «Зачем вы поселились в этом доме? – спросил меня тогда парень по кличке Горох. – Немедленно уезжайте! Будет беда!» Но я не послушал его и не рассказал о предупреждении родителям. Однако вскоре выяснилось: этот самый Горох умер много лет назад! Значит, я разговаривал с привидением?.. Но это меня ничуть не испугало. Ведь пугать начало совсем другое: шорох, стук когтей по полу, ощущение присутствия в доме чего-то неведомого... Одного не могу понять: она мне только видится или существует на самом деле – эта призрачная белая кошка с кошмарной улыбкой?.. «Пятно кровавой луны» Холодея от ужаса, ступают по темным подземным коридорам Валя и ее друзья. Несколько дней назад девочка подзадорила одноклассника Володьку «на слабо» переночевать в этом подzemелье, где, по слухам, поселился призрак, – и с тех пор о Володьке ни слуху ни духу. Неужели осталось лишь горько раскаиваться? Или все-таки Володьку еще можно спасти? Но как? Ведь все знают, что из этого ужасного подвала еще никто и никогда не возвращался... Ребята продолжают свой опасный поход. И вот перед ними возникает ухмыляющийся череп, а затем стрелка, указывающая путь в неведомое...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-04-108910-8

© Веркин Э. Н., 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

Ведьмин день	7
1. Без белых кошек	7
2. Там живёт ведьма	11
3. Разговор с мертвецом	15
4. Новоселье	19
5. Визит	24
6. Mertwezz.ru	29
7. Газовая гангрена	35
8. Водокачка	41
9. В логове	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Эдуард Веркин

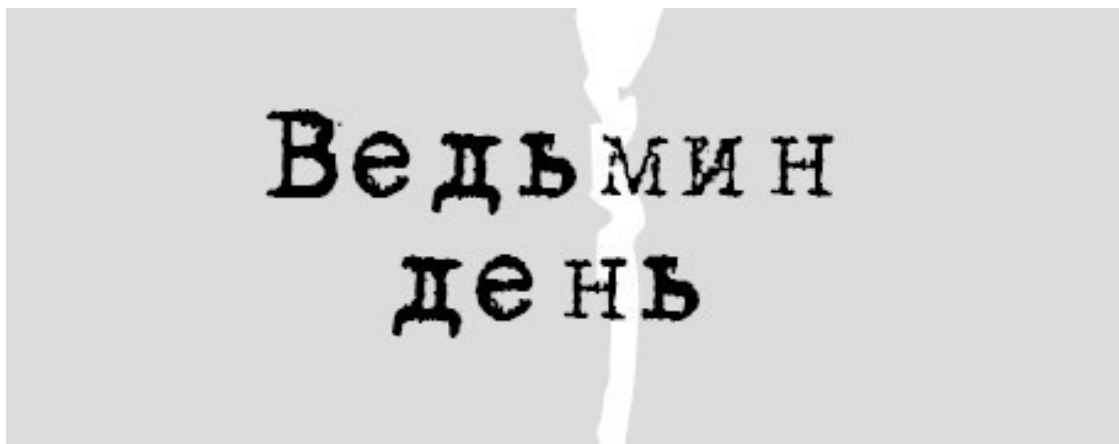
Ведьмин день

© Веркин Э., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Ведьмин день

1. Без белых кошек

Тогда я увидел.

По лестнице поднималась кошка. Та самая. Белая, как молоко.

Она поднималась медленно, припадая на правую переднюю лапу. Когти мелко цокали по ступеням.

Пропустил один глаз. Где? Спальни, холл, кухня, гараж, кладовки, чердак... Нет, вроде всё замазал. Всё. Но она проникла. Просочилась. А может, она всегда была здесь? Всегда была с нами.

Я шагнул назад.

Кошка увидела меня и улыбнулась. Зубов у неё не было, просто красная дыра.

Я шагнул ещё. Зацепился пяткой за ступеньку, больно шлёпнулся задницей. Кошка снова улыбнулась. Я попытался подняться, но воздух неожиданно стал плотным и вязким, воздух удерживал меня, не отпускал. Больше того, он потянул меня вниз, навстречу этой проклятой твари, навстречу её глазищам.

Раскинул руки, попытался схватиться за перила лестницы и подтянуться, не получилось – слишком далеко, лишь съехал ещё на ступеньку вниз.

Кошка приближалась. До неё уже было не больше десятка ступеней, я мог разглядеть каждую шерстинку на её загривке, разорванное ухо, непропорционально большие лапы и когти. Когти.

Я рванулся. Как только мог. Оттолкнулся ногами, оттолкнулся всем телом... Сгустившийся воздух уступил. Я оторвался от лестницы и перевалился на пол второго этажа.

Подняться не смог, воздух давил, прижимал к паркету, как змею, плющил, плющил... Поэтому я пополз. Проталкиваясь через плотную, густую воздушную массу.

Дверь комнаты. Она была почти в самом конце коридора, метров двадцать до неё.

Я полз. Полз, задыхаясь, выбиваясь из сил. Не оглядывался, боялся, что эта белёсая бес-тия подобралась уже слишком близко.

Перед дверью я упал лицом в дощечки и лежал секунд десять. В коридоре было тихо. Я так и не осмелился обернуться. Дотянулся до ручки двери, дернул и ввалился в комнату. Приткнулся спиной к двери. Закрыл замок.

Тишина. Тяжёлая, пыльная тишина, тишиною залит весь дом.

Но что это? Дверь царапают. Лёгкое такое поскрёбывание. Скрёб-скрёб, скрёб-скрёб. У меня на руках поднимаются волосы, рубашка прилипает к спине, я ясно ощущаю присутствие зла... Зло у меня за спиной.

Я подпрыгиваю, поворачиваюсь к двери...

Шорох. Шорох за спиной.

Я не могу обернуться. Страшно.

Она в комнате.

Белая кошка. Я знаю, что это она. Белая.

На этом месте я всегда просыпаюсь. В голове срабатывает переключатель, подсознание бережет меня от того, чего я не хочу видеть.

Больше не хочу никогда видеть.

Дверь открывается. В комнату проскальзывает Катька. В руках у неё книжка. Сказки. «Путешествие Нильса с дикими гусями»¹. Закладка в виде золотой рыбки. Катька ставит книжку на тумбочку, садится на табуретку рядом с моей кроватью, берёт меня за руку.

– Опять? – спрашивает Катька.

Я киваю.

– Белая?

– Белая.

Катька достаёт из кармана пижамы теннисный мячик и начинает стучать им в стену. Снизу, с первого этажа, стучат по трубе родители.

– Проснулись, – вздыхает Катька. – Может, тебе к доктору сходить?

– К доктору сходишь – потом на учёт поставят, как дурачка, – клеймо на всю жизнь. Не, лучше уж я так...

Катька подбрасывает мячик в потолок. Роняет его, и мячик закатывается под кровать.

Катька смотрит на меня. Я отрицательно качаю головой.

– Ну, пожалуйста, – просит Катька.

Я плюю и лезу под кровать. Это довольно неприятно – ползти в темноту, но от Катьки ведь не отмажешься, будет до утра сидеть и канючить.

Мячик отыскался в углу. Я стукнулся головой о раму кровати и набил шишку.

– Ну что там? – спросила Катька.

Я не ответил. Лежал себе тихонечко.

– Ты чего? – в голосе Катьки послышалось волнение.

Я выпустил мячик, он выкатился из-под кровати. Сам я, затаив дыхание, ждал.

– Вылезай.

Катька не вытерпела и заглянула под свесившуюся простыню. Осторожно пощупала меня за ногу.

– Что с тобой? – всхлипнула Катька. – Вылезай давай...

Она взяла меня за ногу и попыталась вытащить. Не получилось.

Катька ойкнула и полезла ко мне. Затормошила, попробовала уцепиться. Я рывкнул и схватил Катьку за плечо. Катька завизжала.

– Шучу! – Я отпустил Катьку, и она сразу же выскочила из-под кровати.

– Дурень, – сказала она. – Испугал. Я тебе говорила, чтобы ты меня не пугал! И мама тебе говорила. Ты же обещал!

Я тоже выбрался наружу.

– Извини. Больше не буду.

– Ты всегда так говоришь. А потом всё равно пугаешь.

---

¹ «Путешествие Нильса с дикими гусями» – полное название «Чудесное путешествие Нильса с дикими гусями». Повесть-сказка, книга шведской писательницы Сельмы Лагерлёф.

Пугаю. Потому что самому страшно. А тут Катьку пуганёшь – и вроде не так уж и погано. Лучшее средство.

– А если она сбежала? – спросила шёпотом Катька и оглянулась на окно.

– Прекрати вертеться! – Я схватил Катьку за руку. – Что за глупая привычка завелась! Времени прошло сколько, а ты всё ещё трясешься. Трусиха! Катька, ты настоящая трусиха!

Катька надулась.

– Если бы она сбежала, Рыся бы нам сообщил, – успокаивал я. – Позвонил бы или письмо написал. К тому же... К тому же всё то, что случилось... Это уже прошло. Прошло, и нечего это вспоминать. Ей не сбежать.

– А вдруг он не смог позвонить?

– Как это не смог? В честь чего это он не смог?

Катька снова зашептала:

– Всякое могло случиться. Номер не смог набрать. Потому что ему руки оторвали...

– Всё в порядке, – оборвал я. – Всё в полном порядке. Нечего об этом думать. Даже если с Рысей что-то случилось, она нас не найдёт. К тому же я ему на прошлой неделе посылал эсэмэску, и он мне ответил, что у них дожди...

– Покажи! – требует Катька.

– Чего тебе показать?

– Эсэмэску.

– Я её стёр сразу, чего память загружать. И в восьмисотый раз повторяю – она нас не найдёт...

– Ага, не найдёт, – подмигивает мне Катька. – А чего же ты тогда из папиного пистолета в кошку соседскую стрелял? Она не совсем, между прочим, белая, с рыжиной, а ты ей полхвоста отстрелил! Хорошо хоть промазал...

– Я не промазал, – сказал я. – Я отстрелил ей полхвоста. Если бы я хотел отстрелить голову...

– А зачем тогда вообще стрелял?

– Не люблю белых кошек. В белых кошках есть что-то ненормальное. Белые кошки гораздо страшнее чёрных... Эта кошка лазила здесь, лазила, лазила, лазила...

– Ладно, ладно, – Катька погладила меня по руке. – Не нервничай. Тебе же нельзя нервничать.

– Нельзя, – согласился я. – От этого руки трясутся.

Я взял с тумбочки стакан с лимонной водой, выпил.

– Ты знаешь... – Катька попыталась оглянуться. – Только ты не пугайся!

Но я пугаюсь. Я пугаюсь, теперь я пугливый, очень пугливый.

– Я видела...

– Иди спать, – говорю я Катьке. – Всё. Ничего ты не видела. Больше никаких белых кошек. Мы живём без белых кошек!

Катьке не хочется уходить.

– Знаешь, я слышал историю. Там про одну девочку, которая нашла в лесу почти мёртвую собаку...

Катька не хочет слушать историю про почти мёртвую собаку. Берёт своих диких гусей и уходит.

Я остаюсь один. Какое-то время я сижу просто так. Затем подхожу к двери, закрываю и для верности подпираю её гирей.

Опускаю жалюзи. Делаю шаг от подоконника. Стучу кулаком по паркету. Отыскиваю место со звонким звуком. Поднимаю пластинки. Под ними тайник. Я сам его оборудовал, тайник – вещь просто незаменимая.

Долго смотрю в треугольную дыру в полу, затем достаю из неё продолговатый полиэтиленовый свёрток.

2. Там живёт ведьма

Дорога пошла хорошая, и Катька сразу же достала из сумочки Кена и Барби и стала играть в школу.

Все эти «Кен, подойди к доске», «Барби, дай дневник» и «Кен, вымой руки» мне смертельно надоели уже через пятнадцать минут, я вынул из кармана записную книжку и сделал вид, что внимательно читаю.

– Чего это ты читаешь? – сразу же спросила Катька.

– А, так, история одна...

– Какая? – Катька бросила своих кукол и уставилась на меня. – Расскажи!

– Это такая история, – я напустил на себя задумчивости, – о ней лучше не рассказывать...

– Почему это? – спросила Катька.

– Девчонки от нее пугаются и спать не могут потом. Это история только для мальчишек. Так что лучше...

– Расскажи, расскажи, – заканючила Катька. – А если не расскажешь, то я папе расскажу, что ты математику не сам делал, а у Филиппова списывал.

– Ну, смотри, – я понизил голос. – Сама напросилась. Только никому больше не передавай, а то тебя найдут.

– Кто найдёт?

– Те, кому надо, найдут. Один парень рассказал эту историю своему брату, а на следующий день их нашли мёртвыми. Они оба задохнулись в сугробе, торчали там вниз головами.

– Знаешь, я чего-то боюсь...

– Если ты никому не расскажешь, то тебе нечего бояться. Ты ведь не расскажешь?

– Не... – Но в голосе Катьки уверенности я не услышал.

– Ну, смотри. В одной школе, в нашем городе, кстати, был новогодний карнавал. Но не простой карнавал, а тематический.

– Как это? – спросила Катька.

– Ну, это когда все в тему одеваются. Например, все одеваются древними римлянами, или космонавтами, или морскими пехотинцами. А на этот карнавал все решили нарядиться всякими чудовищами. Наступал Новый год, тридцать первое декабря, все пришли в школу, все приготовились. В семь часов вечера во всей школе собрались выключить свет, чтобы в темноте все переоделись каждый в свой костюм, а когда свет включится, все были бы уже одеты и не могли бы узнать друг друга. Так и произошло. Свет выключили, а когда через пятнадцать минут включили, народ был уже в костюмах. Вампиры, скелеты, зловещие мертвецы всякие. Но круче всех была маска оборотня. И маска, и костюм – всё как настоящее. Тут по связи объявили, что начинается праздник, и школьники рванули в спортзал. А там всё как водится – ёлка, музыка, танцы, конкурсы всякие дурацкие, красота, короче. Все наплясались, навеселились, а как пробило десять часов, так пришло время снимать маски – традиция такая. Ну, все и стали снимать костюмы. А когда сняли, оказалось, что оборотень остался в маске. Тут все засмеялись и стали требовать, чтобы он немедленно маску снял. Окружили его и давай дёргать. А костюм не снимается. Они стали сильнее дёргать. Ни в какую! Тогда подбежал физкультурник, он штангист – и как дёрнет!

Я сделал паузу.

– И что? – дрожащим голосом спросила Катька.

– И тогда оборотень зарычал и вцепился в горло учителю физкультуры. И вдруг свет погас и больше не загорался, в темноте были слышны крики и стоны...

Я замолчал.

– А потом? – спросила Катька.

– Утром насчитали восемнадцать трупов, – закончил я.

Катка молчала.

– Кать, – спросил я, – а ты знаешь, кто был тот оборотень?

– Кто? – Катка напряглась.

– Тот оборотень был... – Я начал смотреть Катке за плечо. – Тот оборотень – это... Это... Я!!!

Я зарычал и щёлкнул зубами, Катка завопила и забарабанила по крыше кабины, чтобы её сняли из кузова. Машина остановилась, мать выглянула в окно и спросила, что происходит.

Катка немедленно на меня нажаловалась и сказала, что не собирается ехать со мной в кузове дальше. Мать забрала её в кабину. Я остался в блаженном одиночестве, расположился на мешках с вещами и стал смотреть в небо, где острой стрелкой шёл маленький ястреб.

Машина катилась, асфальт был лёгкий, свежеположенный, и уже в час дня мы въехали в Унжу. В Унже асфальта не было.

Вещей у нас было немного, всё вошло в один грузовик. Это потому, что мы переезжали ненадолго, всего на два года. Папашка у меня строитель, и его направили сюда строить то ли элеватор, то ли рефрижератор, а может, вообще какой-нибудь регенератор. Это было очень нужно ему по работе, после того как он построит тут регенератор, его должны сразу отправить в Москву на повышение. Я не был в восторге от ссылки в Унжу, но в Москву мне попасть очень хотелось. В Москве для меня полно возможностей – я ведь старый геймер, почти профессиональный. В смысле игрок в компьютерные игры. Даже в соревнованиях участвовал. А в Унже вряд ли есть компьютерный клуб, придётся с собой играть. Это скучно и тяжело. Но делать нечего. Я собрал волю в кулак, упаковал свой комп в коробку и собственноручно погрузил его в самый безопасный угол грузовика.

Впрочем, в поездке в деревню были и свои плюсы. Я узнал, что в здешней школе учится всего двадцать ребят. И это во всех классах. В моём седьмом классе всего три человека. Здорово – три человека и учитель. Такие занятия – всё равно что занятия с репетитором, только бесплатным. Большая экономия для семейного бюджета.

К тому же вряд ли в деревне ещё у кого-нибудь имеется по-настоящему мощный компьютер. Наличие же машины, думал я, обеспечит мне известный авторитет и уважение среди немногочисленных сверстников.

Но до занятий было ещё далеко, и мне предстояло почти месяц обжиться в новом жилище. Сначала нас хотели поселить в гостинице в районном центре, но от гостиницы до стройки было почти два часа езды, поэтому нас поселили в незанятом двухэтажном доме. Оттуда, как нам сказали, стройку видно в окно, можно на велосипеде доехать.

Деревня оказалась довольно большой, я бы даже сказал, что это не деревня, а село. Правда, народу что-то было не видать – грузовик протряс нас по улицам, а навстречу нам не попалось ни одного человека. Ни одной собаки. Я подумал, что, скорее всего, все ушли в поле возделывать какую-нибудь зябь. Ну и хорошо.

Грузовик переваливался по рытвинам и ухабам, я держался за борта и рассматривал своё будущее место жительства. Дома все были довольно хорошие, не кривые, не побитые градом и не перекошенные разными ураганами, нормальные дома. Пару раз даже попадались двухэтажные особнячки, наверное, обиталища агронома и председателя. Папахен сказал, что мы тоже будем жить в двухэтажном доме, и теперь я усиленно его искал, вертя головой. Но я увидел его не сразу. Оказалось, что за деревней начинался крутой и долгий спуск к реке, и дом было видно лишь с самого края села. С околицы, так это, кажется, называется. Мы подкатили к этой самой околице, грузовик снизил скорость и стал сползать вниз. Тогда-то я и увидел дом.

Он был построен из белого кирпича, крыша покрыта красной черепицей, а вокруг – внушительный кирпичный забор. Видимо, раньше здесь жил местный миллионер, хозяин хлебо-завода или какой-нибудь заправки.

Мне дом понравился. Он выглядел вполне современно. В таких домах обычно имеются спортзал, сауна, может быть, даже маленький бассейн. Дом вселил в меня надежду на то, что моё пребывание тут не будет совсем уж мрачным. Стройку, где должен был инженерить мой папахен, и в самом деле видно – на другом берегу реки возвышались белые полукруглые строения, а через реку переброшен худосочный понтонный мостик. При желании можно и на велосипеде проехать.

Когда до дома осталось метров двести, дорога вильнула, и я увидел, что наш особняк на берегу не один. Совсем недалеко от него ещё дом. Если это строение можно было, конечно, назвать домом. Приземистое сооружение, вросшее в землю почти по окна. Некрашенные бревенчатые стены, посеревшие от старости. Крыша покрыта дранкой, на дранке давно поселился зелёный мох. Из трубы, несмотря на жару, ползёт дымок.

Метрах в десяти от мрачного дома торчали из бурьяна какие-то обугленные поленья, скорее всего, там была баня, а потом она по каким-то причинам сгорела.

Грузовик остановился. Кабина открылась, и на воздух вывалился водитель, потом вылезли маман и моя сестра Катерина. Папахена пока не было – он улаживал дела на своём старом объекте и собирался приехать к нам недели через две.

– Прибыли, – матушка постучала ладонью по железным воротам. – Тут сигнализация, говорят, даже есть. Крепость настоящая.

– Нормально, – сказала Катька. – Нормальненько...

– Супер. – Я спрыгнул из кузова на землю. – Хибара что надо. Я думал, будет болото какое-нибудь...

– Там и мебель есть, – кивнул шофёр. – Вы правильно сделали, что ничего с собой не взяли.

– Мы взяли, – матушка улыбнулась водителю и достала из кармана столярник. – И нужно бы разгрузить.

Водитель покривился, но столярник взял, легко запрыгнул в кузов и стал быстро сбрасывать узлы с одеждой, коробки с посудой и другую необходимую в жизни дребедень.

Мы с мамкой всё это ловили и складывали в аккуратную кучу. Комп я водителю не доверил и спустил на землю сам.

Машина была разгружена за десять минут. Водитель отряхнул руки и вернулся в кабину.

– Ну, вот и хорошо, – сказал он. – Всё, как надо, всё, как прораб велел. Вы тут располагайтесь, а я поеду...

– Спасибо, – Катька улыбнулась водителю. – Приезжайте ещё.

– Ага, – водитель поморщился, – приеду...

Он захлопнул дверцу.

– Эй, погодите, – мама помахала водителю рукой, – а там, в этой избушке, кто живёт?

Она указала пальцем на покосившийся дом по соседству.

– А, – водитель завёл мотор, – так, никто...

– Там живёт ведьма, – сказал кто-то.

Я обернулся.

Метрах в трёх от въездных ворот стоял мальчишка. Он был одет в длинную резиновую куртку болотно-зелёного цвета и в безразмерные кирзовые сапоги.

– Кто? – спросил я.

– Ведьма, – шёпотом повторил парень.

Водитель врубил передачу, прибавил газа, развернулся и покатил в гору.

– Ты кто? – спросил я у мальчишки.

Но парень ничего не сказал, пошёл к реке.

– Чего стоим? – бодро спросила мама. – А ну, узлы в зубы и в дом всё таскать!

Мы стали таскать вещи в дом. Я, правда, отнёс всего два узла, да и то лишь до крыльца, а на третьем сделал вид, что у меня есть неотложное дело, и быстренько слинял.

Я выскочил за ворота и огляделся. Парень дошёл уже почти до реки, только шагал он не напрямую, а в обход почерневшего деревянного дома, делая большой крюк по лугу. Сначала я хотел ему крикнуть, чтобы он меня подождал, но потом подумал, что парень может испугаться и вообще свалить. Поэтому я решил его просто догнать. Крюк делать мне не хотелось, и я двинул прямо через двор наших соседей. Хотя двором это можно было назвать лишь с большой натяжкой – забор давно сломался и зарос травой, а огорода не наблюдалось вовсе. Так что я смело рванул мимо соседского домовладения. Шёл себе прямо, иногда, конечно, поглядывал влево на окна домика. Но окна были такие замызганные, что ничего, кроме серой пелены, я не видел. Раз, правда, мне показалось, что что-то там промелькнуло в глубине, но вглядываться я не стал.

Мальчишку в резиновой куртке я догнал не скоро. Он как-то странно передвигался по берегу, то исчезал, то выныривал вновь, семафоря мне острым капюшоном своей куртки. Потом он вообще скрылся из виду, и мне пришлось даже немножко пробежаться.

Парень сидел на крутом песчаном берегу и жёг микроскопический костерок из плавника. Ни тепла, ни какой-то пользы от этого огня не было, видимо, он жёг его для своего удовольствия. Я подошёл и сел рядом.

– Тебя как зовут? – спросил я.

Парень не ответил.

– Чего молчишь? – снова спросил я. – Не хочешь со мной разговаривать?

– Я с мертвецами не разговариваю, – ответил парень.

3. Разговор с мертвецом

С реки потянуло холодом, я подобрал сухую коряжку и кинул в костёр. Огонь весело затрещал, но теплее не стало. Вообще здесь было довольно неуютно, на берегу этой реки. Я подумал, что для этого места на самом деле лучше всего подходят резиновые куртки, надо тоже себе завести такую.

– Так «Урановый край» начинается, – сказал я. – Один чувак выясняет, что он мёртв. Что он, типа, привидение. И ему надо знать, как это с ним случилось. Интересная игрушка, месяц играл... Но я, в отличие от того чувела, вроде жив.

– Это пока, – сказал парень. – И ненадолго.

– С чего это я вдруг буду помирать? – спросил я.

Парень промолчал. Я решил тоже помолчать. Всё равно не выдержит, расколется. Всегда раскалываются, все.

Так и случилось.

– Я Горох, – сказал он. – Моя фамилия Горохов, и меня зовут Горох. Я тебе ничего не скажу. Только так скажу – лучше вам отсюда уехать. И чем скорее, тем лучше.

– Почему?

– Потому, что кончается на «му»!

Парень снова замолчал. Тогда я развел его самым простецким способом.

– Да ты просто завидуешь, – сказал я. – Дом у нас классный, вот и хочешь пугануть. Чтобы жилось потяжелее.

– Дурак ты, – поморщился Горох. – Тут такое случилось в этом доме...

– Зловещее преступление на крыше! – перебил я. – Пришелец взорвал страусиный питомник!

– Да пошёл ты, – обиделся Горох и поплотнее закутался в куртку.

– Не обижайся, – я дружески ткнул его кулаком. – Леденец лазерный хочешь?

– Как это?

Я достал из кармана обычный ананасовый леденец.

– Берёшь леденец, суёшь в рот. Жуёшь. Потом останавливаешься и ждёшь. Через две минуты открываешь рот, а оттуда лазерный луч!

– Бреешь! – сказал Горох.

– Попробуй, – я предложил ему леденец.

Горох протянул было руку, но потом вдруг передумал.

– У меня кариес, – сказал он. – Покажи сам.

Я пожал плечами, развернул обёртку, сунул леденец в рот и стал жевать. Через две минуты я открыл рот, но никаких лазерных лучей оттуда, конечно, не выскочило.

Горох вопросительно на меня посмотрел.

– Влажность повышенная, – объяснил я. – Луч и коллапсирует. То есть распадается на фотоны.

– Тут теперь всегда влажно, – сказал Горох. – Как ведьма приехала, так погода сразу и испортилась.

– Какая ведьма-то? – спросил я.

– А та, что рядом с вами живёт, в кривулине.

– В какой кривулине?

– В избушке, что с домом вашим рядом стоит. Там ведьма живёт.

– Ведьм не бывает.

Горох только усмехнулся.

– Все так думали, – сказал он. – Что ведьм не бывает. А бывают...

– Расскажи.

Горох огляделся. На берегу никого не было.

– Ладно уж, расскажу, – Горох перешёл на шёпот. – Только ты эту историю никому не пересказывай. Об этом у нас молчат, никто...

– Знаю, знаю, – сказал я. – Не колотись, я буду нем, как осьминог.

– Ну, хорошо, – шёпот Гороха стал ещё глуше, – слушай. Но это длинная история...

– Я никуда не спешу, – я подкинул в костёр ещё корягу.

– Ну, значит, так. Это всё началось давно, лет десять назад. Сюда приехала ведьма. Но никто не знал тогда ещё, что она ведьма, все думали, просто старуха. Она купила вот этот старый дом и стала там жить. Живёт, ни к кому в гости не ходит, в магазин не ходит, сама по себе. Ну, не хочет человек общаться и не хочет. А потом случилось. На косогоре тётка одна с мужем жила, а у неё две коровы. И коровы паслись между её домом и рекой, там трава сочная. И как-то раз одна корова зашла к дому старухи и стала жевать траву. Хозяйка коровы увидела и стала загонять свою скотину обратно, на гору. А та не идёт, не хочет будто. Как прилипла. Хозяйка и кричит, и палкой её бьёт, всё бесполезно. И вдруг дверь в кривулине раскрылась, и на улицу вышла ведьма. Посмотрела на корову, подошла, положила руку на спину и сказала: «Домой пойдёт, в три дня на нет сойдёт». И в дом вернулась. Корова тут же побежала домой. На следующий день хозяйка пошла её доить, а корова кровью доится. И вся похудела и покрылась такими красными жилами. Тётка побежала к ветеринару. Он пришёл, посмотрел и сказал, что такой болезни ещё не видел, но, наверное, корова отравилась волчанкой. Назначил лекарство, но оно не помогло – сдохла корова, ровно на третий день. Стали мясо смотреть, а мяса и нет почти – всё мясо в жилы превратилось. Так эту корову даже закапывать не стали – сожгли в котельной.

А хозяин, муж тётки, разозлился. Пойду, говорит, к этой ведьме, разберусь – порчу на скотину мою навела, пусть деньги плотит. Пришёл, стал в окно стучать, денег требовать. Старуха вышла. Послушала его, послушала, а потом бах – достала откуда-то денег целую пачку и мужику дала. Хозяин схватил деньги и довольный домой побежал. А старуха ему вслед и сказала: «Деньги найдёшь, руки потеряешь». Он не послушал, а через две недели ему молотилкой обе руки и оторвало.

С тех пор с ведьмой никто не связывался. Конечно, от того, что она тут поселилась, сразу всё портиться стало. Река обмелела, ягоды и грибы перевелись, скотина болеть начала, а люди стали помирать чаще. А молоко – так вообще дольше одного дня не хранится. Хотели ведьму выселить, да побоялись – старуха сказала, что у первого, кто на порог к ней ступит, вся семья повыведется, не пройдёт и года. Никто и не решился. Так она здесь и осталась.

Горох покачал головой и ещё раз оглядел берег.

– А в милицию не жаловались? – спросил я.

– А на что жаловаться? На колдовство, что ли? За дураков примут...

– Это точно, – сказал я. – Дураки...

Горох снова задумчиво покачал головой.

– И это всё? – спросил я. – Вся страшная история?

– Не вся. Самое плохое дальше. Слушай. Только там ещё долго...

– А я не тороплюсь никуда.

– Тогда слушай.

Я стал слушать дальше. Я любил всяческие истории, даже на специальные сайты порою заходил, чтобы прочитать про чудищ, вампиров и другую правдивую фигню.

Горох посмотрел на меня и продолжил рассказ:

– Земля эта, ну та, что возле реки, очень хорошая, жирная, почти чернозём, каждый год с реки илу наносит. Огород там развести многие хотели, но с ведьмой никто не хотел связываться, я уже говорил, боялись. А два года назад приехал один мужик из города. Он коммер-

сантом был, а потом отошёл от дел и захотел здесь поселиться на лоне природы, его родители тут когда-то жили, и он много об этом месте слышал. Ему место у реки сразу понравилось, и он сказал, что будет строиться здесь. Местные говорили, что нельзя тут дом ставить, лучше в трёхстах метрах построить на пригорке, но бизнесмен не отступал. Стал строить.

Дом поставили быстро. Техники много пригнали, бригада целая из города приехала, даже, кажется, турки. Бизнесмен привёз сюда свою семью. Жены и детей у него не было, только два брата, старший и младший. Стали они жить. Прожили два дня. На третий день утром они сидели за столом и ели яичницу. Вдруг двери открылись, и вошла соседка. Подошла к столу и говорит: построил, мол, дом, теперь уезжай отсюда, пока цел, я тут одна жила и дальше одна жить собираюсь. Бизнесмен усмехнулся и говорит: а если я не уеду, что будет? А старуха ему и отвечает: вас три брата, поэтому даю вам три месяца. Через три месяца не уедете, пеняйте на себя. А бизнесмен рассмеялся и сказал, чтобы старуха шла куда подальше, а то он сам её уедет. Старуха только хмыкнула. Время идёт, а бизнесмен не чешется, гуляет себе в своё удовольствие и жизни радуется. Три месяца прошло – ничего не случилось. Мужик веселится, старая дура, говорит, меня испугать просто хотела... А потом у старшего брата на руке пятнышко вскочило. Он решил, что прыщ, замазал зелёнкой, и всё. На следующий день пятнышко стало больше, с пятак размером. Сначала думали, что лишай, но это не лишай был – пятно сильно пекло. И вокруг него расползалась обожжённая кожа. И больно уже было. Бизнесмен повёл брата к местному доктору. Тот посмотрел и сказал, что тут надо не к доктору, а к знахарю идти, он как раз знает одного. Бизнесмен только посмеялся, а на следующий день в поликлинику в город поехали, но не доехали – дождём дорогу размыло, никак не пробраться, назад вернулись. На следующий день уже вся рука этим ожогом покрылась, он сам по себе появлялся, и боль от него была как от настоящего. Старший брат орал, а бизнесмен не знал, что делать. Стал по мобильнику в область звонить, чтобы вертолёт прислали, а там сказали, что вертолёт лишь через два дня отремонтируют, надо ждать. Бизнесмен опять по дороге поехал, а дорогу ещё никак починить не могут, тогда он взял лодку и по реке двинул. Опять не получилось – течение такое сильное, что мотор против не вытянул. Ещё через день ожог на половину туловища распространился, и брат уже в сознание не приходил, а следующим утром он умер. И как только он умер, у бизнесмена на руке появилось такое же пятнышко. Похоронили они брата, а бизнесмен с горя запил, а когда прочухался, у него уже на всю руку пятно распространилось. Он отрезвел сразу и в область рванул, дорогу к тому времени уже починили. Приехал в область, побежал в больницу, а там посмотрели и говорят: ничего не знаем пока, надо анализы сделать. Взяли и срезали кусочек кожи. Только срезали, как кровь брызнула, с трудом остановили. Сказали прийти через два дня. Бизнесмен домой поехал. Младшего брата схватил и давай его осматривать – нет ли у него где тоже такого пятна? Не было. Тогда он отправился к старухе. Хотел было в дом к ней зайти, а она его на пороге встретила. Он ей и говорит – останови это, а то убью. А она ему лишь под ноги плюнула и к себе вернулась. Он тоже к себе вернулся и напился опять – больно очень, а водка вроде бы помогает. Проснулся, а уже половина туловища ожогом покрыта и боль просто жуткая. Спустился по лестнице, смотрит, а внизу, в гостиной, его младший брат ждёт. И руку что-то трёт. Бизнесмен схватил его за руку, а на руке ожог. Бизнесмен тогда в подвал спустился, схватил канистру с бензином и побежал к старухе. Он думал, она будет сопротивляться, а ведьма не сопротивлялась, как только бизнесмен внутрь вошёл, она на пол села и стала чего-то бормотать. Он её сграбастал и потащил на улицу, она тяжёлая, как камень, и не шевелится, лишь бормочет что-то. А раньше недалеко от вашего дома баня была, он старуху в баню закинул, подпёр поленом, канистрой плеснул и поджёг. Сел на бревно, сидит, смотрит. А она не кричит, бормочет чего-то, бормочет. На бизнесмена смех напал, сидит, смеётся. И кажется ему, что он забыл что-то сделать, а что – никак не может вспомнить. Огонь разошёлся, вся баня уже горит, а старуха чего-то уже громко говорит, почти кричит, а что – непонятно. Когда огонь до крыши дошёл, тут бизнесмен и подумал, что трубу-

то он забыл закрыть. Подобрал лестницу и к бане. Да только поздно уже было – из трубы сажа пыхнула – а за нею кошка. Зашипела и через огонь на землю шваркнулась. И удрала.

Бизнесмен в эту же ночь и помер. Остался только младший брат. Ему было десять лет всего. Он из дома этого ушёл в тот же день, его дядя двоюродный из соседней деревни забрал, через реку. Вот и всё.

Горох замолчал.

– А с ведьмой что? – спросил я. – С ведьмой-то что случилось?

– Ничего, – Горох пожал плечами. – Жива.

– И зачем ты мне всё это рассказал?

– Затем, что вы в этот дом переехали. А значит, она к вам придёт. Поэтому лучше уезжайте, пока ещё не поздно. Уезжайте.

Горох поднялся, пнул костёр. Головни полетели в воду и зашипели.

Горох снял сапоги, вошёл в воду и двинулся к противоположному берегу. Было мелко, река не доходила ему до колен.

– Эй, Горох, – позвал я, – а что с младшим-то братом сделалось? Жив остался?

– Жив, – остановился Горох. – В первую ночь, как он к дядьке переехал, случилось так. Он уснул, а потом вдруг проснулся. Открыл глаза, смотрит, а на тумбочке рядом с ним кошка белая сидит. Младший стал на эту кошку смотреть и никак понять не может, то ли кошка это, то ли старуха, то ли кошка, то ли старуха. И чем дольше он смотрел, тем больше ему казалось, что это всё-таки старуха. И вдруг это существо, что на тумбочке сидело, и говорит: живи пока. Но ко мне больше не суйся. А сунешься – всё сначала начнётся.

Горох двинулся дальше. Когда он дошёл до середины реки, я снова его окликнул.

– Горох, – позвал я. – А ты откуда всё это знаешь?

Горох улыбнулся и засучил правый рукав. Кожа на руке была сожжена и блестела. Это было видно даже издалека.

– Я третий брат, – сказал Горох. – Я остался жив.

4. Новоселье

Гостиная меня впечатлила. Она была выполнена в ультрасовременном стиле: пластик, стекло, металл какой-то блестящий, телевизор плоский из пола торчит. Кресла глубокие кожаные. Диван оранжево-голубой, немецкий, наверное. На стене гобелен – закованный в броню рыцарь поражает копьём языкастого дракона. Красота. И старинный, вероятно, дорогой. Видимо, сгоревший бизнесмен был человеком со вкусом. Я подумал, что вся эта история с проклятьем, превращениями и сжиганиями в бане никак не вяжется с этой гостиной и телевизором. Вполне может быть, что этот Горох просто местный дурачок. В каждой деревне должен быть дурачок, таков обычай. Возьми любую ролёвку – там и то в каждой деревне дурачок, сидит на углу, слухи распространяет, подорожником жёванным торгует, а тут настоящее село.

Правда, гостиную несколько портил пустой аквариум с высохшими рыбами, но это ничего, аквариум можно и перезапустить.

И ещё гостиную портили наши узлы с вещами. Они валялись в самом центре большого синего ковра и никак не вязались со всей обстановкой. Вообще-то это были ещё не все наши вещи, солидная часть барахла должна прибыть в конце недели, пока же мы собирались довольствоваться тем, что привезли на грузовике.

Я пнул ближайший мешок и свалился в кожаное кресло, решив немножко посидеть, подумать об услышанной истории, да и просто понежиться. И только я погрузился в пахнущие дорогой кожей глубины, как со второго этажа спустилась матушка. В руках у неё была карликовая сосна в деревянном корытце. Бонсай. Наш папахен сильно уважал бонсай. Мать оглядела гостиную, подошла к телевизору и поставила на него кадку с сосной.

– К этому дереву будут комары слетаться, – сказал я.

– Комариные укусы повышают иммунитет, – заметила мать. – Гриппом болеть не будешь.

– Я и так никогда не болею...

Матушка достала из аквариума сухую рыбку, понюхала.

– Где болтался? – спросила она. – Только приехали, как сразу куда-то убежал!

– Исследовал местность, – соврал я. – Тут интересно...

– Отец говорил, рыбалка здесь отличная, – сказала мать и бросила мумифицированную рыбку обратно. – Караси-рекордсмены...

– Караси – это хорошо, – произнёс я. – Слушай, ма, а кто тут раньше жил? Ну, в смысле в этом доме?

– А что? – матушка с удовольствием посмотрела вокруг. – Не нравится?

– Да не, нравится... Просто дом такой здоровенный, а никто не живёт. Странно...

– Не знаю, кто раньше тут жил, но сейчас тут живём мы. Значит, это наш дом. У тебя, кстати, будет своя комната. И у Катки. Вон по той лестнице на второй этаж. Бери свой компьютер и тащи давай.

– У меня нога болит, – снова соврал я, сам не знаю почему. – Бурсит застарелый...

– У тебя всё время что-то болит, – сказала матушка, выбрала узел побольше и потащила вверх по лестнице.

Я вздохнул, проклял производителей громоздкой компьютерной техники и поволок коробки с железом наверх.

Моя комната была крайней по коридору. Рядом были небольшие комнаты для гостей, спальня родителей и комната Катки. Я остановился перед дверью, опустил на пол коробки и достал из одной специально припасённую для такого случая штуку. Букву «М» (что означало «мужик») со специальной присоской. Я подышал на присоску и приладил её к полированной двери. Затем вошёл внутрь.

В комнате не было почти никакой мебели, только кровать и письменный стол у окна. Скорее всего, её просто не успели обставить. От прежнего хозяина остался лишь плакат на противоположной от кровати стене. Волк с красными глазами, с клыками, шерсть дыбом. Вообще у меня были другие пристрастия, но этот плакат я решил не снимать, плакат мне, пожалуй, понравился. Он, правда, немножко отклеился, я взял скотч, отрезал два кусочка и прилепил нижние углы. Порядок.

Сунул коробки с компьютером в угол, потянулся с хрустом и с разбегу грохнулся на койку. И тут произошла странная штука. В тишине я совершенно явственно услышал мяуканье.

Мяу.

Густой, низкий звук.

Я вскочил с кровати и огляделся. И сразу же увидел. За окном сидела кошка. Белая. Даже скорее не белая, а какая-то бесцветная.

Кошка открыла пасть и снова мяукнула. Меня как-то неприятно поразило то, что в пасти у кошки я не заметил зубов. Красное отверстие, и всё. Кошка положила лапу на стекло и повела ею вниз. Звук получился такой, как будто по стеклу провели гвоздем, от этого звука у меня заломило зубы, и я даже зажмурился, а когда открыл глаза, кошки за окном уже не было.

Я кинулся к окну. Кошки не было видно. Я поднял раму и выглянул вниз.

Стена была совершенно отвесная и гладкая. Отщёлкнув шпингалеты, я поднял раму до упора и высунулся наружу. Кошки не было. Зато я увидел дом соседки.

Сверху он выглядел совсем по-другому, сверху он выглядел как-то угрожающе. Дом будто тянулся в нашу сторону. Из стен его лезли какие-то длинные штуки, похожие на щупальца, сощурившись, я увидел, что это не щупальца, а просто засохшие ветки каких-то гибких деревьев вроде лиан.

Я задвинул окно, дёрнул за верёвочку и затянул жалюзи. И тут я подумал, что кошка была какая-то ненормальная. Какая-то слишком приземистая, с толстыми кривыми лапами и крупной головой. Такой головой кошка могла запросто пробить стекло вместе с жалюзи. Но не пробила. И как она удерживалась за окном?

– Поздравляю, – сказал я сам себе. – Сначала тебя посетил безумец, затем тебя навестила белая кошка-мутант. Следующим будет Годзилла.

Я засмеялся, но мне было совсем не смешно, от этого происшествия на душе остался какой-то мутный осадок, я хотел было заняться сборкой компьютера, но этот самый осадок мешал мне предаться любимому делу, поэтому я решил воспользоваться давно испытанным приёмом – сбросить этот осадок ещё на кого-нибудь. Кроме Катьки, никого подходящего под руку не было, поэтому я сразу направился к ней.

Каткина комната мало чем отличалась от моей. Кровать, стул, стол у окна, комод. Стены покрашены в цвет незрелого лимона. Над кроватью миленькая акварельная картинка. Горы, озеро, снежные вершины. Рамка из розоватого тёплого дерева. Красиво.

Катка занималась своей излюбленной деятельностью – собирала кукольный дом для своей тупой куклы Барби и её дурацкого приятеля. Я вошел в её комнату, пнул какую-то плюшевую розовую свинью и уселся на пол. Катка сразу же схватила свинью и стала её качать на руках и утешать. Мне же она сказала:

– Придурок.

Я проигнорировал её высказывание, схватил ближайшую пластиковую куклу, свернул ей башку и закинул под кровать.

– Чего тебе надо? – спросила сестра уже миролюбивее.

Этих девчонок надо держать в кулаке, дашь слабинку – на шею сядут.

– Скажи мне, Катка, – спросил я. – Ты когда-нибудь с мальчиком целовалась?

– Нет... – растерянно протянула Катка.

– Это ты зря, – я мрачно улыбнулся. – Зря...

– Почему? – обиженно спросила Катька.

– Потому что ты скоро помрёшь, – совершенно спокойным голосом сказал я. – Коньки отбросишь в северном направлении.

– Как это? – испугалась Катька.

– Так. Умрёшь в расцвете лет. Ты кошку белую тут не видела?

– Видела... – прошептала сестра. – Она на крыше избушки сидела...

– Какой ещё избушки?

Катька указала пальцем в окно.

– Это не избушка, – покачал головой я. – Это не избушка, это обитель зла. Понимаешь, там живёт одна бабка. А она поклялась, что все девочки, которые будут жить в этом доме, умрут, не достигнув тринадцати лет...

– Врёшь...

– Когда она была маленькой, ей тринадцатилетняя девочка выбила камнем глаз. И теперь она мстит всем тринадцатилетним девочкам. Смотри, на ночь окно закрой, а то белая кошка придёт за тобой. Белые кошки гораздо страшнее...

Катька рванула в родительскую комнату. «Мама! – орала она по пути. – Мама!»

Через минуту в комнату вошли матушка и заплаканная Катька.

– Ты чего сестру пугаешь? – спросила матушка.

– Я? – удивился я.

– Ты, ты. Страшные истории ей какие-то рассказываешь...

– Страшные истории? Я ей просто сказал, что если она не избавится от прыщей, на неё ни один парень не посмотрит...

– У меня нет прыщей! – завизжала Катька. – Ты всё врешь!

И она кинулась на меня, растопырив пальцы. Но я был ловчее, я увернулся от Катькиных когтей, проскользнул под рукой матери и укрылся в своей комнате.

Мне полегчало.

Через некоторое время мать принялась стучаться в дверь, но я не открыл, сделал вид, что меня вроде как нет. Мать сказала, что к ужину я могу и не спускаться, так как она не хочет меня видеть. Я не очень расстроился, я знал, что ко времени ужина мать отойдёт. А пока, чтобы скоротать время, принялся разбирать коробки.

Но очень скоро мне и это надоело, и я высыпал всё, что было в этих коробках, на пол и улёгся рядом отдохнуть. Я лежал, смотрел в потолок и снова думал о рассказе Гороха, и мне почему-то казалось, что старухин дом как-то подслушивает мои мысли. Я осторожно подкатился к окну и выглянул из-под нижней планки жалюзи.

Дом стоял на месте. В сумерках он превратился в большое мутное пятно и выглядел мёртвым.

Потом снизу потянуло чем-то жареным и вкусным, и я спустился к ужину.

Оказалось, что это не простой ужин, а праздничный, ужин по поводу новоселья. На столе красовались бутылка шампанского, две свечи и торт. Другой праздничной еды, правда, не наблюдалось, а из непраздничной была пицца с грибами шампиньонами и пицца с какими-то подозрительными каракатицами, которые Катька и мать называли морепродуктами. Нормальной пиццы, с ветчиной и сыром, не было, и поэтому мне пришлось ограничиться тортом и газировкой.

Матушка резала ножом каракатиц в тесте и запивала их шампанским, а Катька уничтожала торт со скоростью саранчи. Ужин продолжался довольно скучно. Не хватало папахена, он непременно рассказал бы парочку смешных историй из строительной практики, расшевелил бы это болото с морекаракатицами.

Так всё и шло. Стук в дверь раздался, когда всё интересное, в смысле торта, уже доедали и я собирался было вспомнить одно срочное дело...

Стук.

Все почему-то вздрогнули, даже я.

– Кто это? – тихо прошептала Катька.

– Это за тобой, – трагическим голосом сказал я. – Собирай манатки! В лунном свете страшной ночью за тобой крадётся он...

– Прекрати! – одёрнула меня мать.

Она даже треснула по столу кулаком, так, слегка. Затем встала и направилась к двери. И уже протянула руку к замку, как вдруг я вспомнил, что в этом нашем новом доме есть забор и есть ворота. Весьма крепкие и серьёзные. А чтобы пройти через ворота, если у тебя нет электронного ключа, надо позвонить в домофон. А в домофон никто не звонил.

– Стоп! – крикнул я. – Подожди! В домофон ведь не звонили!

– И действительно... – Мать остановилась. – Не звонили...

– Ты когда возвращался, дверь забыл закрыть, болван, – сказала Катька. – А доводчик, наверное, не сработал, вот и всё...

Я совершенно точно помнил, что дверь я закрывал и что доводчик сработал нормально. Но сказать об этом уже не успел – матушка щёлкнула замком, и дверь открылась.

За дверью никого не было. Мать отворила дверь пошире, выглянула, повертела головой.

– Никого... – растерянно сказала она. – Видимо, замыкание в звонке... Тут влажность повышенная.

– В дверь не звонили, – напомнил я. – В дверь стучали.

– Наверное, ветер. Выйду, посмотрю...

– Осторожнее, – предостерёг я. – А вдруг там кто прячется?

Мать ещё раз выглянула за дверь и пожала плечами – никого, мол.

– Я тоже хочу поглядеть! – Катька выскочила из-за стола.

– Сиди на месте! – рывкнула на неё мать.

Катька надулась и осталась на месте. Мать закрыла дверь и вернулась за стол.

– Ветер, – повторила она и положила себе на тарелку кусочек торта. – А ты, друг мой, – улыбнулась мне мать, – ты лишён недельных денег.

Я сделал вид, что это известие меня просто уничтожило, хотя на самом деле я не очень сильно расстроился – здесь всё равно эти деньги некуда было тратить. Единственное, что меня раздосадовало, так это то, что Катька сразу же стала корчить мне торжествующие рожи и показывать кукиши. Я хотел было покарать её, не вставая из-за стола, сделать ей хорошую сливу, но мать опередила меня предупреждающим подзатыльником.

Дальше ужин проходил в молчании, я по-быстрому развязался с последним кусочком торта и поднялся в свою комнату.

Комната всё больше начинала мне нравиться. Мало мебели, много места. На всякий случай я отодвинул кровать и посмотрел, не закатилось ли туда что от прежних хозяев. Там ничего не обнаружилось. Ни утыканных иглками кукол, ни похоронных венков, ни даже потайных люков с ножами, куда ночью должна проваливаться всякая нормальная кровать в доме с привидениями. Я посмеялся над своей мнительностью, расстелил постель и собрался уже уснуть, как вдруг мне в голову пришла прекрасная идея. Перед сном я решил отомстить Катьке за её скверное поведение и за отвешенный мне подзатыльник.

Катька валялась на кровати, читала девчоночью книжку и чего-то перерисовывала в альбомчик с собачками.

– Слышь, Кать, – спросил я, – вот у тебя по русскому языку всегда пять было, да?

– Чего надо? – злобно спросила сестра.

– Хочу с тобой проконсультироваться.

Катька сразу оттаяла – она обожала, когда кто-то просил у неё консультации, она сразу же казалась себе такой взрослой и умной.

– Чего тебе там? – спросила Катька уже миролюбиво.

– Спросить хочу – как правильно говорить, «останки» или «остатки»?

Катька задумалась на секунду, а потом сказала:

– Если, допустим, еды, то остатки. А если кто-нибудь умер, то останки. А тебе зачем?

– Да вот помнишь, в дверь за ужином постучали, а никого не было?

– Ну? – Катька насторожилась.

– Это за тобой ведьма приходила, – обречённым голосом сказал я. – Вот я и не хочу дурнем выглядеть, когда твои останки пойду опознавать...

– Свинья! – Катька кинула в меня своей книжкой.

Не попала.

5. Визит

Утром у меня болела голова. Видимо, ночь была слишком душной, а я забыл приоткрыть окно.

Я встал, почистил зубы, умылся и скатился вниз, в столовую.

Общего завтрака в нашей семье заведено не было, каждый завтракал в удобное ему время. Я, например, вообще не завтракал, съедал только сушёный банан для улучшения физической активности. Катька рубала перед школой мясли, а родители готовили себе салат из питательной морской капусты и яичных белков.

В столовой я обнаружил матушку и Катьку, они разбирали коробки с посудой, осторожно, будто мины обезвреживали.

Я устроился в кресле рядом с холодильником и стал планировать сегодняшний день. Первым делом съем банан. Затем посижу немного, подумаю о жизни. Потом отправлюсь исследовать дом, вчера я успел познакомиться лишь со своей комнатой, гостиной и столовой, а оставались ещё спортзал, зимний сад, чердак и множество других помещений.

Женщины закончили со своей посудой и приступили к приготовлению пищи. Правда, фантазии у них хватило лишь на яичницу с ветчиной, как всегда, и, как всегда, я от неё отказался. Достал из сумки банан и сжевал. Мать посмотрела на меня с неодобрением, она всё боялась, что я этими бананами заработаю себе язву желудка и всю жизнь буду трудиться только на лекарства. Чтобы предотвратить нравоучительную антибанановую беседу, я тоже решил вложить свой вклад в домашнее хозяйство, взял из коробки нож и начал пилить им по точилу, это называлось «выполнять мужскую работу».

Мать и Катька доели глазунью и продолжили обустраивать столовую. Они притащили коробку с фамильным серебряным сервизом и стали его разбирать, разглядывая каждую тарелку и сопровождая всё это восхищёнными вздохами. Коробка быстро опустела, на дне остался лишь большой семейный кофейник. Мать протёрла руки, торжественно опустила их в коробку и осторожно извлекла на свет драгоценность. Мы привычно задержали дыхание, и в установившейся тишине я услышал, как хлопнула входная дверь.

Мать уронила кофейник и посмотрела через дверь кухни в сторону прихожей. Катька тоже.

Я первым оценил ситуацию, сорвался с места и дёрнул в гостиную. Конечно, надо было бы заглянуть к себе в комнату и прихватить бейсбольную биту, но наверх я уже не успел бы. К тому же наверх можно было попасть всё равно только через гостиную.

Дверь действительно была открыта. За порогом стояла женщина лет пятидесяти.

Я запомнил её и помню до сих пор. В самых душных кошмарах, когда я вскакиваю с постели, задыхаясь от ужаса, я вижу её. Костриху. Так её все звали. Дарья Кострова. Местные называли её Кострихой. И всегда произносили её имя шёпотом.

Она не была горбата. У неё не было крючковатого носа с бородавками и длинных пальцев с чёрными когтями. Она не хромала и не перевязывала живот колючей проволокой. И зубы у неё, на удивление белые, будто она чистила их самой современной и дорогой пастой, все были целы. Вообще она не была похожа на ведьм, как их обычно описывают в книжках или показывают в кино. Женщина как женщина, немного полная, с круглым лицом и сильными руками, одета в заурядный серый плащ, в руке потёртая кожаная сумка. Только вот глаза... Глаза были чёрными. И зрачок, и радужная оболочка были глубокого угольного цвета, отчего глаза казались двумя дырками в другое измерение. Такой эффект наблюдается у людей с тёмными глазами, я это и раньше замечал. Наверное, отсюда и идут истории про глазы, порчу и другие страшности.

И волосы ещё. Волосы у женщины были белые. Нет, она не была ни блондинкой, ни седой. Ее волосы имели какое-то промежуточное состояние между сединой и белым цветом. Цвет её волос показался мне очень неприятным, каким-то тошнотворным, что ли...

Я стоял почти прямо перед ней, и в моей голове вертелась фраза из какого-то фильма ужасов, в нём мальчишка боролся с вампирами, убившими всю его семью, а произошло это потому, что его отец пустил в дом незнакомца, а тот оказался вампиром. «Никогда не приглашай чудовище в дом», – говорил этот парень.

Никогда не приглашай в дом чудовище.

– Входите, входите, – из-за моего плеча сказала мать. – У нас дверь плохо работает...

Как всегда, я ничего не успел.

Женщина кивнула и переступила порог.

Она остановилась посреди комнаты и смотрела мимо меня, просто стояла и молчала, даже не мигая.

– Здравствуйте, – сказала мать. – Вы, наверное, наша соседка? Это очень хорошо, что вы пришли познакомиться, мы соседям очень рады. Мы тут новенькие и никого не знаем...

И тут произошло то, чего я совсем не ожидал.

– Я тоже очень рада, – удивительно красивым голосом сказала женщина. – А то как прошлый сосед... уехал, так мне одной так скучно тут стало. Сюда ведь к берегу мало кто заходит, тут глухо...

– Да, – кивнула мать, – здесь хорошо. Тихо. Природа. Мы тут, правда, ненадолго, на пару лет всего, пока объект не закончим...

– Жаль, – вздохнула женщина. – Очень жаль. Без соседей плохо... Хотя мне почему-то кажется, что вы задержитесь тут надолго. Вам здесь понравится, и вы задержитесь надолго.

– Да? – улыбнулась мать дурацкой приветливой улыбкой.

– Да. Тут прекрасная природа, река, лес... Многие остаются тут надолго. Некоторые даже навсегда.

И она почему-то посмотрела на меня.

– А что? – мать подмигнула мне. – Давайте останемся здесь навсегда?! Будем с отцом на рыбалку ходить, за грибами...

– Не хочу тут навсегда, – сказала появившаяся из столовой Катька. – Хочу в Москву! Хочу в аквапарк!

Мать засмеялась. Женщина тоже улыбнулась.

– Дочь и сын. – Она посмотрела сначала на меня, затем на Катьку. – Это прекрасно. У вас настоящая семья...

– А вы ведьма? – неожиданно брякнула Катька.

– Катерина! – мать даже покраснела.

– С чего это ты подумала, что я ведьма? – соседка шагнула к Катьке.

– А мне он сказал, – и эта дура указала на меня пальцем.

Соседка впервые взглянула на меня. Вернее, мне в глаза.

– Он сказал, что вы ведьма, – сказала Катька.

– Дура, – попытался выкрутиться я, – я тебе просто хотел историю страшную рассказать, а ты ничего не поняла...

– Сам дурак! – Катька показала мне язык и юркнула в столовую.

– Ну, держись! – Я воспользовался ситуацией и побежал за Катькой.

Но в столовой я сразу остановился, развернулся и приблизился к двери в гостиную.

Мать и соседка беседовали о погоде и о том, как проще всего пройти к ягодным местам, о ценах за электроэнергию, ничего интересного.

Я был несколько разочарован. Я ожидал, что прямо с порога соседка обрушит на нас какое-нибудь жуткое проклятие, сверкнёт молния, ударит гром, и вот тут-то и начнётся самое

интересное. Но никакого проклятия не последовало, молния не полыхнула, гром не прогремел, они с матерью просто стояли и разговаривали, как старые добрые подружки.

Потом соседка ушла.

В столовую заглянула матушка.

– Эта тётенька мне совсем не понравилась, – сказала Катька. – Какая-то она не такая...

– Обычная тётенька, – произнесла мама. – Скучно ей одной, вот она и ходит по соседям.

В сельской местности такое распространено.

– Опять что-то с дверью, – я устроился в кресле и стал дышать на наш реликтовый кофейник и протирать его рукавом. – Ведь никакого звонка не было...

– Завтра вызову электрика со стройки отца, пусть всё посмотрит.

– Папа у нас сам электрик, – вставила Катька.

– Он главный инженер, а не электрик, – поправила мать. – К тому же он приедет только через две недели, а с дверью надо что-то решать...

– Лучше собаку завести, – посоветовал я. – Собака сразу чует, если в доме что неладно...

– А что неладного может быть в доме? – спросила матушка.

Я стал изучать потолок.

– Я тебя, кажется, спрашиваю, – мать грозно повысила голос.

– Говорят, что все предыдущие хозяева этого дома умерли страшной смертью...

Мать посмотрела на меня с усталой усмешкой.

– Прежние хозяева этого дома уехали в Испанию на постоянное место жительства и продали дом нашей строительной компании. Если уехать в Испанию – значит умереть страшной смертью, то...

– А ты их видела? – спросил я. – Хозяев-то?

– Друг мой, – матушка стала разговаривать со мной, как с маленьким ребёнком, – в каждой уважающей себя деревне есть дом с привидениями, о котором местные жители расскажут множество страшных историй. И в каждой деревне есть колдунья, которая во всём виновата. Или колдун, который наводит порчу на фермерских свиней. Или пруд с русалками. Так водится, это фольклор. Сказки, байки, легенды...

Я промолчал.

– Сын, – теперь мать обращалась ко мне тоном старого умудрённого жизнью товарища. – Ты просто не представляешь себе, что значит чем-то отличаться от других. Особенно в деревне. Если ты отличаешься от деревенских, то тебя будут травить. Эту несчастную женщину наверняка травят...

– Ну-ну, – сказал я. – Не похожа она на несчастную что-то... Пойду я погуляю. Посмотрю, что тут да как...

– Осторожнее с местными ребятами, – посоветовала мне мать. – Они чужих не любят...

– Не бойсь, ма, – ответил я. – Чужие здесь не ходят...

И я выскочил на улицу.

Дверь в воротах закрыта. Как попала к нам соседка, было непонятно. Скорее всего, где-то в заборе имелся лаз, по которому соседка и пробралась. Я подумал, что надо будет пройти вдоль забора и поискать прореху, но это потом. А сейчас хорошо бы сходить в село, купить болванок к компьютеру. Вообще-то мне, конечно, дисков не надо было, но хотелось посмотреть на эту деревню, оценить, так сказать, атмосферу. Конфликта с местной молодёжью я не опасался – я прекрасно помнил, что в местную школу ходило всего ничего учеников. Если учесть, что половина из них младше меня, а ещё половина из этой половины – девчонки, то какой-то реальной угрозы не существовало. А с оставшейся парой ребят я как-нибудь бы договорился. Или справился бы.

Я вышел за ворота, потянулся и медленно побежал вверх по холму, к селению. На полпути остановился и оглянулся назад, и мне снова показалось, что случилось нечто странное.

Мне показалось, что наш новый дом чуть сдвинулся в сторону, а дом соседки, наоборот, чуть приблизился, будто подполз прямо к самому нашему забору. Я потёр глаза. Соседкин дом встал на своё место. Скорее всего, имела место иллюзия, вызванная изменением угла зрения, такое частенько бывает. Поэтому я решил не забивать себе голову всякими иллюзиями и поковылял дальше.

Село оказалось большое, но несколько однообразное, всё сплошняком двухквартирные одноэтажные дома, похожие на кирпичи, наверное, раньше здесь развивалось какое-то производство и дома строили централизованно. К тому же все эти дома оказались расставлены вдоль одной улицы, и до центра мне пришлось добираться долго.

Центр меня ничем не поразил. Один магазин «Продтовары», другой «Промтовары». Между ними кафе «Медведь-2». «Медведя-1» нигде видно не было. Сначала я направился в «Промтовары» и нашёл там много чего интересного, например совершенно новый аудиоплеер производства 1990 г. за сто двадцать рублей или детское оцинкованное ведро на двенадцать с половиной литров с выгравированным на нём Микки-Маусом. В «Промтоварах» было всё, кроме не очень нужных мне болванок.

«Продтовары» порадовали меня богатым ассортиментом соков, лимонадов и других фруктовых напитков, но пить мне сейчас не хотелось, мне хотелось шоколадки. Народу перед кассой было немного: две бабульки, мелкий паренёк, паренёк покрупнее и девчонка лет, наверное, двенадцати. Я встал в очередь и сделал себе лицо английского колонизатора, приехавшего на экскурсию в африканскую деревню и решившего немножечко освежиться кокосовым молоком. Очередь не обратила на меня никакого внимания, будто английские колонизаторы приезжали к ним ежедневно, и продолжила разговор.

– Ты лучше отдай мои перчатки, – говорила девчонка. – Я же знаю, ты их взял на своём драндулете кататься. Отдай, а?

– Да не брал я твои перчи, – отнекивался парень, – не брал. Они мне малы, посмотри на свои руки и на мои.

Парень продемонстрировал свои руки. Они и в самом деле были большие и в придачу перепачканные машинным маслом.

– Перчатки с обрезанными пальцами, а по запястью звёздочки серебристые. Мне родители из Новой Зеландии прислали...

– Мне что из Зеландии, что из Новой Гвинеи, разницы нет. Я их не брал.

Они замолчали и стали рассматривать полки с товарами. Потом паренёк постарше оглянулся, улыбнулся мне и сказал, видимо, чтобы не выглядеть глупо:

– Привет. Ты новенький?

– Угу, – усталым от жизни голосом сказал я.

– К бабушке приехал? На каникулы?

– Не. Жить тут буду.

– Дом купили?

Мне не очень нравились такие расспросы, но я решил, что это нормальное поведение в этой местности, и сказал:

– Не купили. Отец мой работу здесь получил, дом дали...

– Это какой это?

– А там, у реки, – ответил я.

– С красной крышей? – Глаза у паренька округлились.

– С черепичной крышей, – поправил я. – А что?

Паренёк шарахнулся от меня и громко шепнул мальчишке поменьше и девчонке:

– Он из того дома!

Мелкий паренёк и девчонка сразу же отошли в дальний угол магазина, а тот, что постарше, сказал мне шёпотом:

– Давай-ка выйдем, ты, цыбил...

– Куда? – глупо спросил я, хотя прекрасно понимал, куда мне предлагали выйти.

– На улицу, цыбил. Сказать тебе кое-что надо.

Я пожал плечами и двинулся к выходу. Оглянулся и заметил, что бабки смотрят мне в спину, а одна мелко-мелко крестится. Неприятно.

На улице тот высокий парень огляделся и спросил:

– Так, значит, вы в том доме живёте теперь?

– Ну, – сказал я, – допустим.

– А бабка эта? Старуха? Заходила к вам уже? – допытывался парень.

– Ну, заходила, и что?

Парень снова огляделся. Меня эта их привычка оглядываться уже начинала раздражать. Тут что, все оглядываются? Из магазина вышли мелкий мальчишка и девчонка. Парень поглядел на них и неожиданно схватил меня за лацканы куртки.

– Слушай ты, цыбил, – зашипел он. – Ты по нашей улице не ходи лучше! И в магазин не заходи, а то...

– А то что? – спросил я, после чего перехватил его руку за внешнюю сторону запястья и вывернул вбок и вверх. Парень взвизгнул. – А то что? – повторил я. – Что ты сделаешь?

– Дурак, – парень пытался вырваться. – Так для тебя же лучше будет... Скажи своим предкам, чтобы сваливали отсюда...

– Сейчас я тебя отпущу, – сказал я. – А ты дёргаться не будешь? Если будешь дёргаться, я тебе плечо вывихну, я на айкидо хожу, ты учти!

Это я соврал.

– Отпусти его, – попросила вдруг девочка. – Он не будет.

Я разжал хват. Парень выпрямился и теперь растирал руку и поглядывал на меня.

– Ты зря обиделся, – девочка подошла поближе. – Рыся как лучше хотел, он тебя предупреждал...

– Предупреждал, предупреждал, да невыпредупредил, – ответил я.

Парень, которого, оказывается, звали Рыся, продолжал растирать свою руку, будто я её ему и в самом деле сломал.

– В деревне все думают, что тот, кто живёт в доме с красной крышей, проклят. И от него в разные стороны это проклятие распространяется. Так что с тобой никто не захочет быть рядом.

– И что, я теперь, типа, проклят? – ухмыльнулся я.

– Типа, да. – Девчонка взяла за руку младшего мальчишку, и они пошли вдоль по улице.

Старший парень потащился за ними. Я остался стоять возле магазина. Сначала я хотел вернуться и всё-таки купить шоколадку, но потом вспомнил кое-что и кинулся догонять эту троицу.

Девчонка услышала мои шаги первой и остановилась. И большой, и маленький мальчишки как-то укрылись у неё за спиной, это выглядело довольно смешно.

– Можно у тебя спросить... – Я остановился в метре от них, чтобы моё проклятие не очень на них воздействовало. – Вы знаете парня по имени Горох?

Троица переглянулась.

– Так знаете?

Тот, что хватал меня за грудки, побледнел. Маленький даже слегка всхлипнул.

– Чего молчите-то?

Девчонка шагнула ко мне и сказала:

– Горох сгорел два года назад.

6. Mertwezz.ru

– Я хочу тебя кое о чём спросить, – сказал я.
– Опять пугать будешь, – Катька надула губы.
– Не буду, – заверил я.
– Смотри. Если будешь меня пугать, я сначала в тебя кубиком кину, а потом маме всё расскажу...

Катька погрозила мне тяжёлым деревянным кубиком с глазом Серого Волка, который тоже являлся семейной реликвией. Таким кубиком можно было запросто голову расшибить при достаточно метком попадании.

– Это серьёзно, Кать, – мрачно сказал я. – Очень серьёзно.
– Дай слово рейнджера, что не будешь меня пугать, – заговорщически подмигнула мне Катька.

Я представил себя глупым космическим рейнджером из мультика, внутренне поморщился и сказал:

– Слово рейнджера.
– Ну, хорошо, спрашивай, – Катька положила кубик на кровать.
– Тут такое дело. – Я окончательно вошёл в комнату, закрыл дверь и выглянул на всякий случай в окно.

За окном никого не было.

– Ты помнишь, как мы сюда приехали?
– Ну, помню, – кивнула Катька. – Ты меня тогда как раз пугал...
– Да погоди ты! Помнишь, как из машины выгружались?
– Ну, помню.
– А там возле ворот ты никого не видела?

Катька задумалась и стала тереть щёки, она всегда так делала, когда что-нибудь вспоминала. Она даже глаза закрыла для сосредоточения памяти.

– Нет, – сказала Катька через пару минут. – Никого не было. Шофёр только был.
– А справа? Справа у ворот никто не стоял?
– Нет, – покачала головой Катька. – Справа никто не стоял. И слева тоже.
– Точно?
– Точно. А что?
– Ничего. Значит, мне показалось. Пойду. Дом хочу осмотреть.
– Можно я с тобой?! – Катька соскочила со своей постели. – Там, наверное, интересного много...

– Нет, – остановил её я, – тебе нельзя. Мало ли что тут есть? И вот ещё что. Ты одна здесь не очень-то ходи. Понятно?

– Ты же обещал меня не пугать! – крикнула Катька.
– Катерина! Я тебя не пугаю, я предупреждаю.

Я вышел в коридор. Надо было подумать. Посидеть где-нибудь в спокойном месте, почесать голову. В свою комнату идти не хотелось, и я решил обследовать дом. Подвал, чердак, двор вокруг. Для начала подвал.

Дверь в подвал располагалась в небольшом тамбуре сразу за кухней, тамбур был закрыт, но ключ висел тут же, на стене. Я открыл замок, включил свет и спустился в подвал. Ничего интересного в подвале не обнаружилось. Он был пуст. Ни мебели, ни старой рухляди, ни даже труб. Чисто. Ну, не чисто, весь пол был усыпан дохлыми сухими комарами. Комаров было так много, что они даже хрустели под ногами. Я обошёл весь подвал, ничего. В одном углу валялась

латунная гильза от ружья. Я пнул её, и она со звоном закатилась в угол. Кто-то стрелял здесь, а может, просто гильзу выкинули.

Я поднялся наверх. Дома было тихо. Мать отправилась на стройку отца, чтобы уладить там за него кое-какие формальности. Мы с Катькой остались в доме одни. Мне неожиданно захотелось продолжить осмотр дома. Я закрыл дверь в подвал и вышел во двор. Обошёл вокруг дома и обнаружил маленькую чугунную скамейку. Уселся и стал думать.

Судя по всему, первый раз в жизни я видел привидение. Это было забавно. И страшно. Привидение. Хотя всё произошло как-то буднично и даже скучно. Ни ночного завывания, ни теней на стенах, ни звона цепей. Ничего такого, что сопровождает появление всех классических привидений. Даже мороза по коже я и то не почувствовал. Если верить той девчонке, то этот самый Горох, с которым я беседовал на берегу, был мёртв уже давным-давно. Значит, всё-таки привидение...

Тут я вспомнил, что привидения всегда появляются ночью и никогда днём, во всяком случае, во всех книжках и фильмах они появлялись именно в это время суток. Это меня довольно сильно озадачило. Или Горох являлся каким-то необычным привидением, или не был привидением вовсе. Мне надо было с кем-то проконсультироваться. Рассчитывать на местное население, видимо, не приходилось, и я решил обратиться к помощи старого верного Интернета. Как всегда.

Через пять минут я уже подключал к компьютеру мобильник, а ещё через минуту вбивал в поле поисковой машины слово «привидение». Машина выдала мне больше тысячи ссылок, я выбрал наиболее популярный ресурс под названием Prizrak.ru.

Оформление сайта мне понравилось – чёрное поле, а на его фоне виселица с петлёй, весьма жизнеутверждающе. Я взглянул на счётчик – только за сегодняшний день сайт посетило полторы тысячи человек, удивительно, сколько людей интересуется всякой фигнёй. Сеть полна сумасшедшими. Я навёл курсор мышки на петлю и щёлкнул левой клавишей.

Внутри сайт был вполне обычный, и это меня разочаровало. Я изучил несколько классических случаев контактов с призраками в старинных английских замках, заглянул в «личный архив Конан Дойла»², прочитал пару современных историй про дурацких барабашек и других всяких чебурашек, посмотрел десяток мутных и явно поддельных фотографий каких-то чужаков в саванах и ватных комков на леске, почитал анекдоты. Ничего нужного мне на «призраке» не обнаружилось.

Интернет – помойка, подумал я, тормознулся и отправился по другим сайтам.

Но все остальные были приблизительно такими же: фотки, «достоверные» рассказы, свидетельства очевидцев... Нужной мне информации не находилось. Я уже совсем почти разочаровался в русской части Интернета и решил заглянуть на какой-нибудь англоязычный ресурс, но тут я набрёл на ссылку с названием Mertwezz.ru.

Я зашёл на «Мертвеца».

Выжженная солнцем каменистая пустыня плыла вдаль. Вниз уходила длинная тень, то ли от человека, то ли от кактуса, что-то страшное и непонятное, на это было неприятно смотреть. Рядом с тенью в пыли валялся белый скелет животного, я навёл на него курсор и нажал на кнопку мыши.

Дизайн «Мертвеца» был прост и незамысловат, как вокзальный зал ожидания: главная страница с меню и всё. Ни гостевой книги, ни форума, ни всех тех штук, которые бывают на обычных сайтах. Прямо на главной странице располагался текст, я прочитал его за десять минут.

---

² Артур Конан Дойл – английский писатель, автор рассказов о Шерлоке Холмсе. Увлекался вызыванием духов и контактами с потусторонними силами.

То, что случилось со мной, называлось визитом. Если верить создателю сайта, я встретился не с беспокойным духом, а с настоящим мертвецом. В определённых ситуациях, рассказывал автор сайта, мёртвый может прийти к живым. Такое происходит, если человек умер не своей смертью и не в положенное ему время; такое происходит, если живому человеку угрожает опасность; и такое происходит в тех местах, где коренится настоящее зло.

Сайт рассказывал всего о четырёх случаях таких визитов, но мне запомнился один.

Охотник отправился в лес. Он охотился несколько дней, но так ничего и не подстрелил. И вот он набрёл в лесу на сторожку и решил в ней заночевать. Он так устал, что даже огня в печке не развёл, свалился и уснул. А под утро кто-то постучал в дверь. Охотник встал и открыл. На пороге стоял человек. Он весь продрог и попросился в сторожку. Охотник его пустил и накормил даже. И заметил, что у гостя нет левой руки. Гость лёг спать и проспал долго. А сам охотник в этот день на охоту больше не пошёл, потому что был дождь, он топил печку и лежал на скамейке.

Днём гость проснулся. Он выпил чаю и стал собираться. Охотник сказал, что дождь и лучше его переждать, но гость ответил, что ему надо уходить. И ещё гость сказал, чтобы и охотник тоже уходил из этой избушки до наступления темноты. Когда охотник спросил почему, гость повторил только, что нужно уходить. Охотник сказал, что если гость не расскажет, зачем надо уходить, то он не уйдёт. Тогда гость рассказал. Он сказал, что сегодня ночью в эту избушку придёт медведь. Охотник сказал, что он не боится медведя, у него ружьё. Однорукий улыбнулся и сказал, что ружьё-то у него есть, а вот патронов с пулями нет, одна дробь. И вышел.

Охотник проверил, и на самом деле – патроны только с дробью. Подумал-подумал, да и решил убраться от греха подальше. Собрался и ушёл. Вышел к какой-то деревне и давай мужиков расспрашивать – нет ли, спрашивает, в вашей деревне однорукого человека? А ему и отвечают: нету. Он тогда и остальные приметы описал. Мужики задумались, а потом и сказали, что когда-то был такой человек в их деревне, но однажды он пошёл в лес, и там его задрал медведь. А ещё медведь отгрыз ему руку. Охотник выслушал эту историю и уехал в город и больше на охоту никогда не ходил.

На этом рассказ заканчивался. Я распечатал его и решил перечитать ещё раз потом, а пока я занялся тем, что исследовал сайт в поисках рекомендаций относительно своих дальнейших действий. Никаких особых, правда, рекомендаций там не обнаружилось, пожалуй, единственное общее правило существовало – нельзя было пренебрегать такими визитами. И ещё. Все такие визиты обладают одной общей закономерностью: человек встречается с мертвецом, но не знает, что это мертвец. И лишь потом человек узнаёт, с кем на самом деле он разговаривал.

В самом подвале страницы я обнаружил электронный адрес. Всем желающим предлагалось связаться по этому адресу с Мертвецом – создателем сайта, изложить свои истории и задать вопросы. Если истории и вопросы понравятся Мертвецу, то он вам ответит.

Сначала мне не очень хотелось писать Мертвецу, если я напишу ему, он автоматически будет знать мой электронный адрес, а вдруг под именем «Мертвец» скрывается какое-нибудь похоронное агентство? Тогда в мой ящик без конца будут сыпаться рекламы гробов, венков, катафалков и мест на кладбище, а это мне совершенно ни к чему.

Но выбора у меня не было, мне надо с кем-нибудь посоветоваться, и я написал Мертвецу письмо. Про всё, что случилось. Потом выключил компьютер.

По небу ползли тучи, и было странно темно для летнего дня. Наверное, собирался дождь. Вдруг мне стало страшно. Я не знал, что мне делать. Позвонить и рассказать всё отцу? Отец скажет, что мне надо поменьше на компьютере играть. Если рассказать матери... Мать потащит к психиатру. Катька вообще завопит. Так что я сам с собой. И с этим Мертвецом. От этого и страшно. Но с другой стороны, пока ничего необычного не произошло. Никакого проклятия. Соседка нанесла нам визит вежливости, и всё. А я разволновался.

В дверь постучали.

– Входите! – разрешил я. – Я сейчас совершенно свободен...

Дверь открылась, и вошла матушка.

– Всё за компьютером сидишь? – спросила она.

– Изучаю языки программирования, – сказал я. – А это требует ежедневных тренировок...

– Зачем тебе языки программирования?

– Так. Хочу стать инженером по созданию программного обеспечения для тяжёлых экскаваторов.

– Понятно. Только ты долго за компьютером не засиживайся, а то с головой нелады случаются...

– Знаю, знаю, – ответил я. – В городе Бубуянске три подростка покончили с собой после сорока девяти часов непрерывной игры в «Маркшейдеров Титана». Читал, читал.

– С тобой всё ясно, – улыбнулась матушка. – Я зашла сказать, что решила у отца на стройке поработать, я ведь тоже инженер...

– И что? – спросил я. – Ты предлагаешь и мне там поработать? Но я ещё не инженер по созданию программного обеспечения для тяжёлых экскаваторов...

– Хватит придуриваться, – покачала головой мать, – ты уже большой. Пока не начались занятия в школе, вы с сестрой будете в доме одни. Никому не открывайте дверь...

– Понятно, – перебил я. – Мы никому не откроем дверь, и серый волк не проберётся в наш хорошо укреплённый дом...

– Всё веселишься, – мать улыбнулась мне и вышла.

И сразу же заглянула обратно.

– Смотри у меня, – сказала она.

Мать погрозила мне кулаком, а потом спросила:

– Ты моё кольцо серебряное не видел?

– Не-а, – ответил я. – Катька, наверное, стащила.

– Не, я у неё уже спрашивала, – сказала матушка. – Это плохая примета.

– Предчувствиям не верю и примет я не боюсь, – важно сказал я.

– Ты меня удивляешь, – матушка заинтересованно посмотрела на меня. – С каких это пор ты стал любить стихи?

– Развиваюсь помаленьку, – ответил я. – Расту потихоньку.

– Ну-ну, – мать показала мне язык и вышла из комнаты окончательно.

Я ещё немного повалялся на кровати и посмотрел в потолок и на противоположную стену. Плакат с волком тоже смотрел на меня. Я хотел было его снять и передумал. Наверное, этот плакат повесил тот самый Горох, и мне не хотелось его снимать самому. Пусть висит. А я понаблюдаю за соседкой.

Я взял стул, придвинул его к подоконнику и стал смотреть из-под жалюзи на улицу. Не знаю, что я хотел там увидеть: как из трубы вылетит на метле косматая бабка или, наоборот, как она туда влетит...

Но я ничего так и не увидел. Постепенно стемнело, и соседний дом растворился в сумерках, мне надоело наблюдать, и я спустился к ужину. Но ужин уже закончился, и в столовой обнаружилась лишь Катька, она ковырялась ложкой в банке с мороженым, вся перемазалась. Когда появился я, Катька насторожилась, но у меня сейчас не было настроения её пугать. Я слопал банан и отправился спать.

Мне не спалось, меня мучило беспокойство и какое-то ожидание, какое-то предчувствие, что ли. Это предчувствие было так сильно, что я даже взял с собой в постель укороченную бейсбольную биту и пристроил её так, чтобы она при случае оказалась под рукой. А бейсбольная бита – вещь что надо, с ней можно в случае чего продержаться до прихода основных сил. Я продел правую руку в специальную петлю на рукоятке и попытался уснуть.

Проснулся я от крика. Из комнаты Катьки раздавался высокий дикий визг, будто там работал плохо смазанный и разболтанный сверлильный станок. Я выскочил из кровати, перехватил битку и выбежал в коридор. В коридоре уже горел свет, из своей комнаты выбралась мать и сонно осматривалась, не понимая, что происходит. Расстояние до Катькиной двери было совсем небольшое, метра два, я преодолел его в один скачок. Толкнул дверь.

Закрывается.

Из-за двери снова слышался визг.

– Открой! – крикнул я. – Дверь открывай!

Но Катька или не слышала меня, или не могла слышать.

Я примерился к двери. Слишком толстая, надёжно сделано, то ли бук, то ли сосна. Надо...

– Отойди! – мать отшвырнула меня в сторону. – Катерина! Открой дверь!

Катька ответила новым воплем.

Матушка разбежалась и врезалась плечом в дверь. Дверь даже не хрустнула, хрустнуло у матери плечо. Мать ойкнула.

Пришло время действовать мне. Я напустил на себя серьёзный вид и сказал:

– Ну-ка, быстро, в сторону!

Мать послушно отступила. Я примерился биткой к дверной ручке, размахнулся и со всех сил ударил по большому никелированному шарiku.

Мой расчёт оправдался – бывший хозяин не пожалел денег на хорошие двери, но, как это водится, сэкономил на замках. Замок оказался китайский и дешёвый – вылетел с первого удара. Я пнул дверь и ворвался внутрь.

Катька каталась по полу и вопила. Мимо меня проскочила мать и сразу же стала осматривать Катьку на предмет повреждений.

Я огляделся. Комната как комната. Окно закрыто, Катька его вообще не открывала. Тем временем Катька перестала выть и предъявила нам на обозрение ногу. По ноге шла длинная тонкая царапина, от коленки и наискосок почти до самой пятки. Судя по всему, царапина была довольно глубокой – кровь текла сильно, но лужи на полу пока не образовалось.

– Что случилось? – спросила мать.

Катька не ответила.

– Что тут случилось? – мать уже почти крикнула.

– К-к-ко-ко... – заикалась Катька.

– Что? – не поняла матушка.

– Ко-ко-ко... – снова пропела Катька.

– Не понимаю... – мать пожала плечами.

– Всё очень просто, – объяснил я. – Она хочет сказать, что сюда залетела ко-ко-корова-вампир...

– Прекрати! – рявкнула на меня мать. – Ничего смешного тут нет! А ты не икай, говори нормально!

Мать встряхнула Катьку так, что у той зубы щёлкнули. Однако это подействовало, Катька сразу же замолчала, только хныкала и тёрла ногу.

– А теперь говори, – приказала мать. – Безо всяких ко-ко-ко! Расскажи всё по порядку.

Она достала из кармана халата носовой платок и приложила его к Катькиной ноге.

– Она пришла... – прошептала Катька. – Я спала, а когда проснулась, она была уже здесь!

– Кто она? – спросила мама.

– Кошка! – ответила Катька. – Белая кошка, рот у неё красный. Она прыгнула и оцарапала...

Я вдруг почувствовал, как под коленками у меня что-то дрогнуло, и я покрепче взялся за свою битку. Но взялся незаметно, чтобы мать не увидела.

Матушка ещё раз осмотрела комнату.

– Тут нет никакой кошки, – сказала она. – И не было. Ты же знаешь, Кать, у меня на кошек аллергия. Если бы тут была кошка, я бы уже всю чихала.

– Она выпрыгнула... она выпрыгнула в окно...

– Катерина, – улыбнулась мать. – Окно закрыто.

Катка вытерла глаза и уставилась на окно.

– Тебе приснился страшный сон, – мать погладила Катку по голове. – Кошмар, вот и всё...

– Она была здесь, – Катка стала оглядывать комнату. – Она куда-то убежала...

– Она тебе приснилась, вот и всё, – сказала матушка. – Никакой кошки тут нет.

– Она была... – уже неуверенно проговорила Катка. – Она была, она же меня оцарапала...

– Это всего лишь дурной сон, – мать погладила Катку по голове. – А теперь давай прижмём твою царапину йодом.

– Не надо йодом! – захныкала Катка. – Давайте перекисью водорода!

Я подошёл к окну. Подёргал раму. Окно было плотно закрыто.

– Перекисью! – верещала Катка.

Мне уже нечего было тут делать, и я отправился к себе.

Больше я так и не смог уснуть. Луна устроилась прямо напротив моего окна и упорно светила в комнату, отчего глаза на плакате с волком горели огнём. Страшно.

Страхи живут в каждом, и в детях, и во взрослых. Я знал одного парня, который до семнадцати лет брал с собой в кровать пластиковую бутылку, чтобы писать в неё в случае, если ночью захочется. Он посмотрел фильм про старый отель, в котором пропадали люди, и не мог заставить себя выйти в темноте в туалет.

А другой парень не мог поворачиваться спиной к двери, с ним мгновенно случалась истерика, и он падал в обморок. Он тоже посмотрел фильм. Там маленький мальчик подходил к двери, стучал в неё, а дверь не открывалась. Он стучал, стучал, а дверь всё не открывалась. И когда он поворачивался к двери спиной, из двери выскакивали руки, хватали парня за плечи и втаскивали внутрь. После этого эпизода парень не мог повернуться спиной ни к одной двери, и его даже пришлось лечить у психиатра.

Ещё одному чуваку, наоборот, доктор даже прописал смотреть фильмы ужасов.

Этот парень был таким нервным, напряжённым, а как месяц посмотрел всякой фигни про вампиров и оборотней, так стал спокойным-спокойным, как баобаб.

Я тоже люблю фильмы ужасов, у меня в компьютере даже коллекция целая есть. Правда, редкий фильм можно смотреть два раза, но есть и настоящие шедевры.

Я люблю фильмы ужасов. Если только сам в них не участвую.

7. Газовая гангрена

К завтраку Катька не спустилась. В столовой я нашёл одну мать, она чистила бананы, резала их и складывала в блендер. Я спросил у матери, что с Катькой, мать ответила, что Катька сейчас спит, а она сама спустилась по-быстрому сделать себе питательный коктейль.

– А царапина? – спросил я.

– Какая царапина? На ноге, что ли?

Я кивнул.

– Так это ведь только царапина. Йодом смазали, вот и всё. Пройдёт через день.

– А кошка?

– Какая ещё кошка? – Матушка загрузила бананы в блендер, добавила ложку какао, ложку кофе, два яйца и пол-литра молока.

– Ну, та, что Катьку поцарапала.

Мать запустила блендер, тот вжикнул, бананы и молоко превратились в густую жёлтую массу. Матушка вылила её в стакан и стала пить.

– Катька говорит, что кошку видела, – сказал я. – Белую.

– Ты видел, какие у Катерины ногти? Ей приснился кошмар, может быть, ей приснилась белая кошка, Катерина испугалась и поцарапала себе ногу. Вот и всё.

Я согласно кивнул. Спорить бесполезно.

– Что-то отец не звонит, – мать выпила свой коктейль. – Должен был ещё вчера позвонить.

– Угу, – сказал я. – Только погода барахлит, грозы намечаются... Связь может плохо работать...

Мать неуверенно согласилась.

Она налила себе второй стакан своей бурды и выпила её залпом.

– Я не хотела говорить, – выдавила она. – Но скажу. В том, что случилось с Катериной, есть доля твоей вины...

Что может быть хуже утренних нравоучений? Только проверка дневника в конце полугодия.

– Это ты рассказывал ей истории про всякую чертовщину! Это ты её запугал! Это из-за тебя она не спала всю сегодняшнюю ночь!

Тогда я решился.

– Я вовсе Катьку не запугивал, – сказал я. – Всё, что я говорил, – правда. Я тоже видел белую кошку, она сидела у меня за окном. А ещё я видел мертвеца...

– Хватит! – оборвала меня мать довольно злобно. – Хватит этих историй, ты уже не маленький!

– Я говорю тебе правду... – попытался настоять я.

– Какая правда! – Мать брякнула блендером. – Какая кошка! Там стена отвесная, там никто не залезет!

– Это не простая кошка...

Но она уже кинула блендер в посудомоечную машину и отправилась наверх к Катьке.

Мне изрядно хотелось спать, но возвращаться в свою комнату совсем не улыбалось. Я прилёг на диван в гостиной, но на нём оказалось совершенно невозможно спать, поскольку диван скрипел как ненормальный при каждом движении. Тогда я разыскал в привезённых вещах незаменимый предмет – надувной матрас фирмы «Мягко стелешь» – и отправился на природу, решив, что самый лучший отдых – это отдых на свежем воздухе.

Да, битую я прихватил с собой.

Погода была подходящая – сухо и прохладно, я добрался до берега реки, отыскал ближайший сенокос, выбрал стог повыше и потолще, вырыл в нём пещеру, засунул туда надутый матрас и устроился спать. Лучший сон – сон в стогу.

Что-то зашелестело сверху. Я перевалился на бок и выглянул наружу. И увидел. Как по полю через ещё зелёную стерню идёт ко мне белая тварь. Она шла не спеша, медленно перебирая лапами и приносясь к воздуху. Вдруг я увидел, что это не кошка, а пантера. Зверь с тяжёлыми лапами и челюстями, способными дробить кости. Пантера остановилась.

Что-то зажуужало у меня возле ноги, и я проснулся.

Это был телефон. Виброзвонок.

Я ответил:

– Да?

– Ты где? – спросила матушка. – Не могла тебе дозвониться.

– На речке. Дышу воздухом.

– Плохие новости.

У матери был излишне спокойный голос, такой голос у неё бывал всегда, когда случалось что-то нехорошее.

– Что-то с Катькой? – спросил я.

Я сел, и труха тут же насыпалась мне за шиворот, отчего я окончательно проснулся и выбрался из стога.

– С Катькой всё в порядке, – сказала мать. – С отцом... С ним вчера случился инфаркт.

– Что?! – не поверил я.

– Инфаркт, – повторила мать. – Вчера вечером случился, недавно из больницы звонили. Я как чувствовала... Ладно. Слушай. Он пролежит полмесяца. Я должна неделю пробыть с ним.

– А может, мы вместе...

– Не перебивай, – голос у матери стал твёрдым. – Слушай. Я уже вызвала со стройки машину, через десять минут уезжаю. Вы с Катериной остаётесь одни. Я не могу её взять, лучше ей отца в таком состоянии не видеть... Так что ты теперь за старшего. Никаких гуляний, никаких страшных историй. Пицца в холодильнике, там же салат замороженный. А яичницу ты умеешь... Я буду звонить...

Мать отключилась. Я поглядел на экран телефона. Абонент временно недоступен. Мать уехала.

Я сдул матрас и побежал домой.

Катка сидела перед телевизором и смотрела «Рейнджер возвращается». Я сел рядом с ней. По экрану скакали космические воины, они стреляли из бластеров в зелёных чудовищ и спасали красавиц от неминуемой гибели. Катка была грустная и телевизор смотрела одним глазом. Я не знал, что сказать, и спросил:

– Мегамакс побеждает?

– Ага. Только Чернота ему ловушку подстроил – подсыпал в управляющие контуры звёздолёта рубиновый песок, и теперь при первом же запуске контуры расплавятся.

– Понятно, – сказал я. – А настраивание как?

Катка сморщила нос и снова уставилась в экран.

Я больше не знал, что мне сказать, и принялся разглядывать гостиную. Я осмотрел её один раз, потом другой, затем третий. После третьего раза мне стало казаться, что в гостиной чего-то не хватает. Какое-то навязчивое чувство отсутствия чего-то важного. Я стал пытаться выяснить, чего не хватает. Довольно долго мне это не удавалось, а потом я вдруг понял, чего не хватало: на телевизоре отсутствовал папашин бонсай.

– А куда дерево делось? – спросил я. – Мать с собой, что ли, забрала?

– Не, – Катка покачала головой. – Она ничего не взяла...

– А куда оно тогда делось?

– Не знаю... С папой всё хорошо будет?

Я видел, что Катька сейчас заревёт, поэтому не стал усугублять и сказал:

– Не бойся. Инфаркт – это ерунда. Это как руку ломать. Помнишь, как руку ломала? То же самое. Папаша недельку полежит и будет как новенький. И сразу приедет.

– А мы что будем делать?

– А что? Олдов нету, свобода. Спи сколько хочешь, зубы можешь не чистить, хорошо ведь! А питаться будем пиццами – их в кладовке немерено.

– Да... – протянула Катька. – А одни как будем?

– Нормально. Переедешь ко мне в комнату, вместе не страшно.

– А кошка?

– Кошка не придёт, это я на себя беру... Ты лучше расскажи, как она появилась?

Катька потёрла глаза и огляделась. Забавно, у неё тоже начала вырабатываться эта местная привычка – оглядываться.

– Рассказывай, – повторил я.

– Я сидела в большом танцевальном зале, – рассказывала Катька. – Это был такой сон, но это я потом уже поняла, когда проснулась. Почти в таком же танцевальном зале, в каком я занималась раньше. Я одна в этом зале, и больше никого нет. И музыки нет, а пианино есть, только на другом конце зала оно стоит. А я сижу. И вдруг на пианино заскочила кошка. Морда у неё такая большая-большая, а зубов нет... И на меня смотрит.

– А дальше что? – спросил я.

– Я проснулась, – ответила Катька. – Ну, в первый раз проснулась. Смотрю, я не в танцевальном зале, а в своей комнате. Тогда я снова спать легла. И сразу же опять в этом зале оказалась, только кошка уже не на пианино сидит, а ближе чуть-чуть. Я вновь проснулась. А как в третий раз заснула, так кошку увидела совсем рядом. Тогда я закричала, проснулась снова, а она уже в комнате! И царапнула меня за ногу.

Катька предъявила забинтованную ногу.

– Не болит? – спросил я.

Катька прислушалась к своим ощущениям и покачала головой.

– Чешется, – сказала она. – А почесать нельзя.

– Покажи ногу, – попросил я.

– Мама не велела развязывать.

– Мама уехала, – сказал я. – Теперь я тут главный. Давай ногу разбинтовывай, а то в лоб тресну!

– Не буду! – заупрямилась Катька. – Не буду!

Катька упёрлась, и я прибегнул к хитрости.

– А знаешь, почему ты не хочешь ногу развязывать? – спросил я. – Потому что у тебя там гангрена!

Слово «гангрена» я произнёс страшным голосом, чтобы Катька поняла, что с гангреной не шутят.

Катька скисла.

– Скажу тебе даже так, – продолжал я. – У тебя там не простая гангрена, у тебя там газовая гангрена!

– Хватит, – Катька начала гладить свою ногу. – Мне мама не велела разматывать.

– Ну, смотри, – сказал я равнодушно. – Тебе жить...

И вышел.

Я думал, что Катька сейчас же выскочит за мной и попросит, чтобы я с ней посидел, но Катька не выскочила.

Полчаса я бродил по второму этажу, а потом решил обследовать чердак. Пока родаков нету.

Лестница на чердак обнаружилась в гараже. Люк был закрыт на замок, а ключ, как водилось в нашей стране повсеместно, висел рядом на гвоздике. Я поднялся по лестнице, открыл люк и огляделся. Чердак был пуст, совсем как подвал. Отбросив крышку, я выбрался наверх.

Дохлых комаров на чердаке не обнаружилось. Из дохлятины я нашёл одну высохшую и почти мумифицированную летучую мышь, сначала я хотел взять её с собой на память и привесить в своей комнате или Катьке подбросить, но потом подумал, что мышь наверняка заразная. С каким-нибудь мышиным бешенством. Я обошёл весь чердак. Ничего интересного. Везде пыль в полпальца толщиной, если упасть, вполне можно задохнуться.

Я уже собрался спускаться вниз, как вдруг... Вдруг у меня возникло ощущение, что я на чердаке не один. Я хотел резко повернуться и посмотреть, но не стал. Мне вспомнился старый триллер, в котором один негр рассказывал другому, что если вам кажется, что у вас за спиной кто-то есть, – никогда не оборачивайтесь. Как только вы обернётесь, то, чего вы боялись, сразу же окажется перед вами. И нападёт.

Поэтому я не стал оборачиваться. Я замер и сделал вид, что внимательно разглядываю пыль на своих ботинках. Ощущение постороннего присутствия усилилось. Мне даже начало казаться, что я чувствую на затылке тёплое тяжёлое дыхание, будто у меня за спиной прятался большой и мощный зверь.

Руки у меня затряслись, и, чтобы успокоиться, я стал перевязывать шнурки и делал это медленно. Я перевязывал шнурки, а что-то дышало мне в шею.

Завязав шнурки косым бантиком, я стал медленно, не делая резких движений, подниматься. Выпрямившись во весь рост, я оглянулся. Никого. Показалось. Тогда я быстро прошёл к люку, спустился вниз и закрыл замок.

Я вышел на улицу и на всякий случай обошёл вокруг дома. Всё было в порядке. Мне хотелось взять да и свалить из дома в село или на речку, но я должен был караулить Катьку, пока не приедет мать.

Караулить Катьку мне не очень хотелось, но делать было нечего, я злобно плюнул и вернулся в дом.

Едва я вернулся в гостиную, как сразу увидел сестру. Она сидела на синем ковре, и вокруг неё вился бинт. Катька мелко тряслась и куталась в плед.

– Ну, что у тебя? – спросил я.

Катька не ответила.

– Что опять? – Я подошёл ближе. – Занозу посадила?

– Гангрена, – всхлипнула Катька.

– Чего? – усмехнулся я.

– Гангрена.

Катька приподняла плед.

Царапина на ноге побелела и вспухла. Теперь это была уже не царапина, а целый рубец. Будто Катьку полоснули ножом.

– Холодно, – сказала Катька. – Мне холодно...

Я взял телефон и позвонил в местную справочную. Узнал телефон фельдшерского пункта. Дежурная сказала, что сейчас врача нет, но я могу оставить координаты, и завтра с утра доктор зайдёт обязательно.

Я набрал по всему дому одеял и отнёс их в комнату Катьки. Сразу двумя накрыл сестру, а на остальных устроился сам.

Ночь прошла спокойно. Катьку перестала бить дрожь, и она проспала до утра.

Утром погода испортилась. В небе прохудились какие-то трубы, и полил сильный дождь. Иногда даже что-то сверкало, но грома слышно не было. Я сидел перед окном и ждал.

В десять часов приехал врач. Он вошёл в гостиную, сложил зонтик и снял галоши. Я в первый раз в жизни видел настоящие галоши, я даже не знал, что они ещё существуют, галоши привели меня в восхищение, и я решил рассмотреть их потом получше.

– Дождь... – сказал доктор и оглядел нашу гостиную, не удивлюсь, если он искал камин, чтобы погреть у него ноги. – Погода как взбесилась...

– Тут всегда так? – спросил я.

– Не всегда... – Доктор сунул мне в руки свой макинтош. – Не всегда...

Врач был старый, похожий на писателя Чехова, только не в пенсне, а в очках. Он вопросительно посмотрел на меня, я кивнул на второй этаж. Доктор вздохнул и стал подниматься по лестнице.

– Родители где? – спросил доктор.

– Нету, – сказал я. – Нас бросили ещё в младенчестве...

Доктор посмотрел на меня как на придурка.

– Да нет, – поправился я. – Это я шучу. Они вынуждены были отъехать по делам службы.

– Ясно, – равнодушно сказал доктор. – Бывает...

– Может, вы чаю хотите?

– Хочу.

Я проводил доктора до комнаты Катьки. Он вошёл, устало опустил на стул и стал мерить себе пульс. Я сбегал в кладовку, взял банку саморазогревающегося чая, сдёрнул клапан, вылил чай в чашку. Поднялся наверх.

Доктор всё ещё слушал пульс.

– Восемьдесят... – Он убрал руку с запястья, взял чашку. – Одышка, однако... Спасибо за чай... Ну-с, где наша молодая леди?

Я указал пальцем на Катьку. Доктор улыбнулся и подсел к ней на кровать.

– Что тут у вас? – доктор пощекотал Катьку за пятку.

Катька тихонечко хихикнула.

– Она ногу оцарапала, – стал объяснять я. – А руки никогда не моет, грязь под ногтями. Вот, видимо, инфекцию и занесла – воспалилось всё. Может, ей укол от столбняка сделать?

– Себе укол сделай! – огрызнулась Катька.

– Сделаем, если надо... – мурлыкал доктор. – Всё сделаем... И укол, и всё, что надо... А ну-ка, покажи ножку.

Катька выставила из-под пледа ногу. Нога была забинтована и походила на белый кокон.

– Давай посмотрим... – Доктор стал осторожно разматывать бинт.

Я обошёл доктора сбоку, чтобы видеть получше.

Он аккуратно сматывал бинт, и я подумал, что, вероятно, в сельской больнице дефицит всего, даже бинтов, и у доктора выработалась привычка экономить.

Бинт был снят.

Нога у Катьки ещё больше побелела, но припухлость не увеличилась. Доктор как-то нехорошо покривился и потрогал Катькину ногу пальцем.

– Болит? – спросил он. – Вот здесь болит?

– Нет, – помотала головой Катька.

– А здесь? – доктор потрогал чуть выше. – Тут болит?

Катька снова покачала головой.

Тогда доктор опять нажал. Он нажал сильнее, я видел, как пальцы его прямо впились в кожу, но Катька даже не поморщилась. Доктор отпустил Катькину ногу и стал чесать подбородок. Он покраснел, и на лбу у него выступил пот, доктор вытер его рукавом. Он жевал губы и потихоньку мычал.

– Вы сделаете укол? – спросил я.

– Что? – вздрогнул доктор.

– Укол, спрашиваю, будете делать?

– Конечно, конечно, – доктор засуетился. – Конечно, сделаю...

– Не хочу укол... – как-то неуверительно воспротивилась Катька.

Но доктор уже вынул из старомодного чемоданчика не менее старомодный шприц с длинной иглой, затем сломал какую-то ампулу, набрал в шприц прозрачную жидкость, выпустил в потолок струйку. Протёр ватой ногу и сделал укол. Катька, всегда боявшаяся уколов, даже не вздрогнула.

– Всё, – доктор подмигнул ей. – Теперь у тебя не будет столбняка. Можешь не бояться.

– Я смогу танцевать? – спросила Катька.

– Не раньше чем через неделю, – хмыкнул доктор и принялся собирать свои медицинские жестянки.

Я вопросительно на него посмотрел. Доктор кивнул и скосил глаза в сторону двери.

Мы вышли в коридор.

Доктор достал из кармана портсигар. Я думал, что он собирается закурить прямо в доме, но в портсигаре оказались лимонные леденцы. Доктор кинул в рот леденец.

– Спустимся вниз, – предложил он. – Внизу поговорим.

Мы сошли в гостиную. Доктор добавил в рот леденцов и бухнулся на диван. Я присел рядом.

– Вы уверены, что укола достаточно? – спросил я.

– Не уверен, – доктор хрустнул леденцом. – Не уверен и хотел об этом с вами поговорить...

Я кивнул.

– Я видел такое... – говорил доктор. – Два раза. Один раз давно, после войны. Второй раз... второй раз недавно. Я не могу помочь. Я не в состоянии ничего сделать, вы поймите меня...

– Как это не можете? Это не столбняк?

– Это не столбняк. Это вообще не болезнь, понимаете...

– Что вы имеете в виду? – спросил я, хотя догадывался, что он имеет в виду. – Что значит не болезнь? Если не болезнь, то что?

– Понимаете, это несколько... не считите меня...

Я молчал.

– Хорошо, хорошо, я скажу. Это не болезнь. Это... Это сглаз. Или порча. Проклятье. Можно называть как угодно.

Я барабанил пальцами по подлокотнику.

– Вы ещё молодой, вы можете мне не верить...

– Я вам верю, – перебил я. – Я вам верю...

– Это дико звучит, но это так, – быстро заговорил доктор и снова забросил в рот леденец. – Я уже давно живу на свете, кое-что повидал... Это не болезнь. Эта ваша соседка... Ладно... Слушай теперь внимательно...

Доктор плюнул на воздержание, достал из своего портсигара целую горсть леденцов и засыпал в рот.

– Это не болезнь, это гораздо хуже.

8. Водокачка

Доктор вышел за ворота. Он постоял, подышал, затем достал из кармана портсигар. Леденцов больше не было, он спрятал портсигар и сунул руку в другой карман. Я думал, он достанет из этого кармана плоскую фляжку с коньяком и сделает глоток, но доктор достал не фляжку, а початую бутылку водки. Вытащил зубами пробку, осушил ёмкость и швырнул её в сторону соседкиного дома.

– Я не могу ничего предложить тебе, – сказал он. – Тут такая история была... Лучше не вспоминать. Я знал одного человека, он мог помочь. Но он уехал. Я могу помочь тоже, но только чуть-чуть. Я дал твоей сестре успокаивающее, теперь она будет долго спать. А ты проводи меня до верху... до околицы...

Доктор мрачно хихикнул.

– А если она придёт? – я кивнул на дом соседки.

– Она вряд ли заявится, – покачал головой доктор. – Она по-другому действует... Пойдём.

Он взял меня под руку и поволок на холм. Доктор шагал быстро и широко, я вспоминал его, с трудом поднимающегося вверх по лестнице, и удивлялся.

– Я тут давно живу, – рассказывал доктор. – Чего только не насмотрелся... Раньше тут глухое место было, дикое... Особенно после войны. Там, за рекой, женщина одна жила. Как у всех, у неё муж на войну ушёл, а она его ждать стала...

Мы поднимались по дороге, доктор тащил меня вверх.

– Похоронка пришла, но она не перестала ждать. И вот война кончилась. А она ждёт и ждёт. Все ей говорят: чего ждёшь-то? А она ждёт. И вот однажды муж вернулся...

Вдруг доктор споткнулся и чуть было не упал.

– Чёрт! – ругнулся он. – Как жарко сегодня...

И попробовал растянуть пальцем галстук, которого у него не было. Да и жарко не было, хоть дождь и прошёл, солнце так и не появилось, и тучи продолжали висеть на небе.

– Давление... – доктор снова пощупал пульс. – Давление шалит... Как тогда... Ну, вот и пришли почти. Добро пожаловать...

Я оглянулся.

Наш дом был на месте, никуда не делся. И всё так же стоял дом соседки.

– Добро пожаловать, – повторил доктор. – В сказку с несчастливым концом...

Мы вошли в село. Захмелевший доктор долго искал нужную улицу, потом двинулся в какой-то неширокий, заросший крапивой проулок.

– Мы туда идём? – спросил я.

– Туда, – выдохнул доктор. – Крапивный переулок, родные соловьи...

В переулке не пахло крапивой, пахло грибами и плесенью.

– А вот ещё, – доктор вспомнил другую историю. – Тут есть одно болото...

– А вы Горохова знали? – Я решил остановить поток пьяного красноречия.

Доктор высвободил руку.

– Знали? – повторил я.

Доктор кивнул. И огляделся.

– Он жил в вашем доме. Ты слышал об этом?

– Слышал.

– Слышал...

Доктор углубился в переулок, я за ним.

– Хороший был парень... – сказал он. – С ним моя внучка дружила. И родителей его я раньше знал, а значит, он должен быть хорошим парнем... Он хорошо держался...

– А от чего он всё-таки... Ну, вы понимаете... Помер, короче.

– Ну, это долгая история. К тому же я не люблю всё это вспоминать...

Доктор снова свернул. Его качнуло, и он навалился на меня.

– Куда идти? – спросил я. – Тут два хода...

Доктор огляделся и указал нужную сторону.

Неожиданно доктора развезло совершенно, и мне его уже приходилось почти тащить. Через пару минут мы оказались в узеньком тупичке, в который выходило только три калитки, доктор направился к самой широкой. Он прислонился лбом к железным воротам и принялся искать в кармане ключ, что меня удивило – вот уж не думал, что в такой глуши запирают на ключ, да ещё и железные двери.

Доктор копался долго, на землю падали монеты, бумажки, ещё какая-то ерунда, наконец он достал ключ и открыл дверь.

Перед тем как войти, он оглянулся и сказал:

– Я тебе вот что скажу, мальчик... Ты поищи этого... знахаря. Чем скорее, тем лучше. И не пускайте к себе соседку! Ни в коем случае не пускайте!

– А она уже приходила, – сказал я.

– Приходила? – вздрогнул доктор.

– Ага.

– Приходила, значит... Понятно... Ладно. У меня есть кое-что для тебя, это поможет, но ненадолго... Ты подожди здесь, я внучку свою пришлю. Надо тебе поторопиться со знахарем, времени мало осталось... А я пойду лягу. Я плохо себя чувствую...

Доктор похлопал меня по плечу, толкнул дверь и исчез.

Я постоял, подождал. Потом пнул ворота, они ответили мне тяжёлым звоном.

– Зря пинаешься, – сказал за спиной знакомый мне голос. – Ноги тебе ещё пригодятся. Чтобы удирать.

За спиной засмеялись, по смеху я определил, что моих неприятелей трое. Я медленно повернулся. В переулке стоял уже знакомый мне Рыся, а вместе с ним длинный жилистый парень с могучими кулаками и глупым лицом и ещё один пацан, примерно такого же телосложения, как я. Ударная команда. Проследили.

– Я тебе говорил, чтобы ты по деревне не слонялся? – сказал Рыся. – Теперь не обижайся. Глиста, выдай ему по справедливости.

Глиста щёлкнул суставами и грозно мне подмигнул. Я шагнул к нему навстречу, собираясь напасть первым и сразу вывести его из строя, но Глиста неожиданно выхватил из-за спины толстый прут арматуры и крутанул им у меня перед носом.

Это немного осложняло дело, поскольку арматура свидетельствовала о том, что эти придурки настроены решительно и не собираются ограничиваться постановкой мне синяков и ссадин. Тут дело пахло, пожалуй, даже переломами.

Я приготовился драться по-настоящему и стал быстро прокручивать в голове последовательность предстоящего сражения. Сейчас дылда размахнётся своей арматурой, попытается ударить меня по голове, я уклонюсь под удар и толкну в плечо, он заедет своей дубиной в живот Рысе, и пока они будут возиться между собой, я разберусь с третьим остолопом.

Дылда размахнулся прутом, собираясь сокрушить меня, но вдруг откуда-то сверху сказали:

– Рыся, я же тебе говорила, чтобы ты не лез к нему!

Я быстро глянул через плечо. На заборе докторского дома сидела тогдашняя девчонка. Та, что сказала, что Горох умер.

– Ты, Лерка, сама не лезь лучше, – посоветовал ей Рыся. – Мы его немножко побьём и отпустим...

– Ты, Рыся, дурак и не лечишься, – девчонка спрыгнула с забора.

Она подошла к мальчишкам, презрительно их оглядела и сказала:

– Не маловато ли вас? Трое всего. Смотрите, не справитесь!

Дылда неуверенно улыбнулся и шагнул ко мне, покручивая железиной.

– Смотри, Глиста, будь осторожен! – задорно сказала девчонка. – Осенью санацию зубов в школе делать будут, так я деду шепну, пусть с тобой поработает особо. И без всякого обезболивания.

Дылда неуверенно посмотрел на Рысю, и тот, плюнув на землю, неохотно кивнул. Дылда опустил своё оружие.

– Валите отсюда! – девчонка прикрикнула на парней. – Валите по-быстрому!

Те пообещали, что обязательно меня поймают и устроят мне основательную трёпку. Дылда на прощание показал мне кулак.

Лерка подошла ко мне ближе.

– На, – она протянула мне небольшой газетный свёрток. – Это тебе дедушка передал.

– Спасибо, – поблагодарил я Лерку и спрятал сверток в карман. – Тебе воздастся за твою доброту.

– Ты ещё не уехал отсюда? – спросила она совершенно серьёзно. – Почему?

– А ты, я слышал, с Горохом дружила? – ответил я вопросом на вопрос.

– Мы за одной партией сидели, – ответила Лера. – Он в математике шарил, мне помогал.

– Тут такая ерунда, понимаешь, происходит... – начал было я, но она меня остановила, приложив к губам палец.

– Пойдём погуляем, – предложила она. – Я люблю просторы.

– Пойдём, – согласился я. – Только эти ваши герои – они подмогу не призовут? Группу поддержки?

– Не призовут, – успокоила меня Лера. – Они сами и есть вся подмога. Все, так сказать, способные держать оружие. Остальные либо девчонки, либо ещё пешком под стол ходят. Так что не бойся. Тут есть одно место, там можно спокойно посидеть.

– Отлично, – обрадовался я. – Чашка горячего шоколада нам не помешает. Тут можно найти горячий шоколад?

Лерка презрительно скривилась и кивнула в нужном направлении, где можно посидеть.

Мы пошли.

Я думал, что место, где можно спокойно посидеть, – это кафе с грилем или на крайний случай автомат с мороженым. Но местом, где можно посидеть, оказалась полуразрушенная водонапорная башня с проржавевым баком. Видимо, когда-то башня выглядела весьма внушительно – высотой чуть ли не с девятиэтажный дом, с широкой плоской крышей, на которую вполне мог сесть вертолёт, из белого кирпича, а на боку кирпичом красным выложена роза – строитель башни был большим романтиком. Но сейчас обшивка бака отстала и свисала вниз ржавыми лепестками, да и сама башня, как мне показалось, слегка скособочилась.

– Отличная башня, – сказал я. – Почти как Пизанская падающая. Как мы туда забираться будем? Лифт, надеюсь, функционирует?

– Ага, – кивнула Лерка. – Функционирует...

Лерка двинулась вокруг башни, я за ней. На другой стороне обнаружилась худосочная лестница, уходившая прямо в бак. Нижняя ступенька была довольно высоко от земли, я предложил Лерке её посадить, но она моей помощи не приняла. Легко подпрыгнула, повисла на ступеньке, подтянулась и полезла вверх. Я за ней.

Видимо, Лерка частенько тут бывала – она лезла очень уверенно, это во-первых, а во-вторых, прямо посреди лестницы была протёрта руками и ногами лазающих блестящая тропинка.

Мы одолели полпути, и тут меня дёрнуло посмотреть вниз.

Земля оказалась неожиданно далеко, я даже не ожидал, что успел забраться так высоко, у меня мгновенно вспотели руки, и я чуть не соскользнул. Лерка посмотрела на меня и сказала:

– Делай так.

Она крепче уцепилась одной рукой за перекладины лестницы, а другую приложила к кирпичной кладке и потёрла. Показала мне. Ладонь была перемазана в белой пыли.

Я сделал так же. Ладони перестали потеть, и лезть стало гораздо проще. Больше я старался под ноги не смотреть.

Мы добрались до бака, и тут выяснилось, что самое сложное ещё впереди. Лестница отошла от креплений в стене и от этого здорово сместилась влево, так что между её концом и люком в баке было расстояние метра в два.

– И что дальше? – спросил я, переводя дыхание. – Будем прыгать?

Лерка показала на прут, вмонтированный в стену. Прут шёл вокруг всей башни, и по нему можно было добраться до люка в баке. Теоретически. Если лезть на руках.

Мне сразу же захотелось плюнуть с высоты тридцати метров и спуститься вслед за плевком. Но обнаружить свой страх перед Леркой я не мог.

– Надо полагать, мы полезем по пруту? – бодро спросил я.

Лерка кивнула. Затем она повисла на последней перекладине, далеко засунула руку в щель между металлическими листами бака, пошарила там и вытащила две пары строительных перчаток.

– Это чтобы посторонние не лазили, – пояснила. – Прут острый, голыми руками взять нельзя, сразу оборвёшься.

Лерка натянула перчатки и легко повисла над пустотой. Повисела секунду и, быстро перебирая руками, поползла к люку. Через минуту Лерка уже забралась в бак.

Я тоже натянул перчатки.

Никому бы не посоветовал проделывать такие штуки. Едва я повис на этом пруте, как мне сразу показалось, что я вешу никак не меньше ста килограммов. Руки мгновенно одеревенели. Я собрал силы и сдвинулся сантиметров на двадцать. Заныли плечи. Я набрал воздуха и сдвинулся ещё. До люка оставалось меньше метра. Я почувствовал, что ещё немного, и я сорвусь. Надо было просить помощи.

– Лер, – позвал я.

Лерка высунулась из бака.

– Плохо? – спросила она.

– Ага, – выдавил я.

– Не двигайся, – велела Лерка. – Виси. Я сейчас.

Она исчезла.

Зачем-то я начал считать секунды. Было страшно и как-то тупо, не думалось ни о чём.

Из люка высунулась Лерка. В руке у неё была крепкая альпинистская верёвка. Лерка свесилась вниз и ловко завязала на моем правом запястье хитрый морской узел.

– Отпускай, – велела Лерка.

А я уже не мог больше держаться. Пальцы разжались, и я сорвался.

Пролетев метра полтора, я повис на верёвке.

– Ползи вверх, я тебя тянуть буду, – сказала Лерка.

Я схватился за верёвку обеими руками и стал карабкаться вверх. Лерка мне помогала, и общими усилиями я кое-как оказался в баке. Привалился спиной к холодной стене. Лерка сунула мне в руку бутылку минералки.

– Ты молодец, – похвалила меня она. – Не испугался. Горох тоже не испугался. Проходи.

Лерка толкнула какую-то картонку, и передо мной открылась настоящая небольшая комната. Тут был диван, сделанный из камер от грузовика. Два кресла, тоже сделанные из камер. Фанерный стол. На столе приёмник, на стене старая карта Советского Союза. Небольшое окошечко с оргстеклом. Мутное. Я встал и дополз до дивана. Открыл минералку.

– Хорошо у вас тут. Жить можно...

– Тут Горох жил, когда его братья уезжали, – сказала мне Лерка. – Он один дома боялся оставаться и ночевал тут.

– Как он умер?

– Ты же знаешь, – сказала Лерка. – Все знают. Дед мой знает, участковый наш знает, все знают. Но ничего не делают! Все боятся! Я тоже боюсь...

Лерка скрипнула зубами.

– А он это... Это... Ты его не видела потом?

Лерка посмотрела на меня как на ненормального.

– В каком это смысле потом? – спросила она.

– Ну, в прямом. В смысле, он тебе не являлся?

– Нет, – сказала она. – Не являлся. Я за ногу его подержалась.

– Как это?

– Когда он в гробу лежал, – объяснила Лерка. – Есть такой обычай – покойника нужно подержать за ноги, и он не будет тебе сниться... И приходить не будет... Ко мне не приходил. И на глаза пятаки.

– А если на могилу его сходить? – спросил я.

– Горох не здесь похоронен, – сказала Лерка. – Его родственники увезли. И братьев его тоже. Они вместе похоронены, а где, я не знаю. Я тебя спросить хочу – ты просто так всё это спрашиваешь или как?

И Лерка посмотрела прямо мне в глаза. Этак пристально посмотрела. Но не оглянулась. Видимо, на своей водокачке она чувствовала себя вполне уверенно.

Тогда я сказал:

– Моей сестре Катке приснился сон. Ей приснилась белая кошка. Кошка подошла к ней и оцарапала ногу. А сейчас у неё на ноге белый рубец. И белизна распространяется и дальше...

– Почти то же самое было с Горохом. Только не белизна, а краснота. Когда он умер, его брат засунул ведьму в баню и сжёг. А она выскочила через трубу.

– Постой, – сказал я. – Как это? Горох же был последним.

Я пересказал историю, рассказанную мертвецом. Лерка слушала внимательно, а когда я закончил, сказала:

– Всё правильно. Только с Горохом не так. Он умер вторым. А его брат бизнесмен – третьим.

Наверно, те мёртвые, которые к живым являются, не знают, что они мёртвые. Считают, что они живы до сих пор. Вот и Горох думал, что он жив.

– Дед мой пытался помочь, – сказала Лерка. – Он предлагал брату Гороха адрес...

– И тот послал его подальше, – проговорил я.

– Да, послал. А теперь тот колдун уехал. Я не знаю, что тебе делать.

– Может, увезти Катку? – предположил я.

Лерка ничего не ответила, достала из-под дивана банку с лимонадом и кинула мне. Наверное, ей было неприятно всё это слушать, и я не стал больше вспоминать о Горохе. Пить хотелось изрядно.

Лерка достала и себе банку, открыла, но пить не стала.

– А ты когда-нибудь видела белую кошку? – спросил я. – Эту?

Лерка снова выдержала паузу, а потом сказала:

– Видела. Она приходит ко всем. Все её видели. Главное – не открывать ей дверь.

– А если она уже открыта? – спросил я. – Если кошка появляется, когда хочет?

– Не знаю. По правилам нечисть может войти в дом, только если её кто-то пригласит.

– Но её никто не приглашал! Мы её не приглашали, я точно...

И тут я вспомнил...

«Входите, входите, – сказала мать. – У нас дверь плохо работает...»

Я прикусил губу.

Никогда не приглашай в дом чудовище.

– Мать разрешила ей войти, – сказал я. – Она предложила ей пройти в дом, у нас дверь толком не открывалась.

– Гостеприимная хозяйка... – прошептала Лерка.

Она отодвинула тяжёлый люк. В бак проникли свет и воздух.

– А если пойти в церковь? – предложил я.

– Во-первых, у нас в селе нет церкви. А во-вторых, сейчас не Средние века, церковь не верит в ведьм. И никого на костре не сжигает. Так что тут помощи не будет.

– Я тоже не верил в ведьм, – сказал я. – В ведьм, в дьявольских кошек, в костры, в проклятья. Такого ведь не бывает по-настоящему. Не бывает! А ты об этом говоришь так, будто это обычные вещи!

Лерка ответила не сразу. Она долго смотрела в окно и возила пальцем по стеклу.

– Необычное всегда рядом, – сказала наконец Лерка. – Ближе, чем ты думаешь.

Лерка сдвинула карту Союза на стене. За картой обнаружился небольшой, размером с канализационный люк, лаз. Лерка пролезла в дыру. Я сунулся за ней.

Лаз вёл в довольно узкую, чуть изогнутую трубу. В трубе имелись довольно удобные ступеньки. Вернее, это были даже не ступеньки, а пазы, вырезанные в металле. Вздвигаться по ним было легко. Лерки уже не было видно, наверху брякнуло, и стало светло.

– Поднимайся, – позвала она.

Я дополз до конца трубы и выбрался на крышу. Лерка задвинула тяжёлый люк.

Крыша водокачки была похожа на сад железа. Два железных стула на больших пружинах, сваренная из стали ржавая пальма, цветы, несколько забавных скульптур из нержавеющей стали. Мне понравился дракон, построенный из старых тракторных шестерёнок.

– Это я сделала, – похвасталась Лерка. – Как тебе?

– Классно, – сказал я. – Тебе надо в Москву ехать, там такую фигню любят. Сможешь много денег зарубить.

– Я в Новую Зеландию поеду. С предками. Там буду этим профессионально заниматься. Усаживайся.

Я сел в кресло. Несмотря на ржавый и страшный вид, кресло оказалось удобным и даже мягким.

– Хорошая работа, – сказал я.

– Хорошая, – хмыкнула Лерка. – Да это самое безопасное место в селе. Если закрыть люк – сюда никак не забраться.

Я встал с кресла и обошёл крышу водокачки по периметру. Ограждения никакого не было, и близко к краю я не решился подойти.

– Осторожно, – сказала Лерка. – Там железо гнилое, может и не выдержать. Грохнешься – потом не свинтить. Присядь лучше.

Я вернулся в кресло.

– Зачем мы сюда забрались? – спросил я.

– Просто так. Чтобы ты посмотрел и запомнил. Что есть место, где всегда можно укрыться. На крайний случай. И ещё. Тут есть одна штука.

Лерка наклонилась, открыла в крыше маленький лючок и достала старинную чёрную телефонную трубку.

– Прямая связь с Кремлём? – усмехнулся я.

– Прямая связь с дедушкой. Поворачиваешь рычажок, и пожалуйста – дед на проводе. Это тоже я придумала.

– Здорово. Но мне пора. Что в пакетике, не скажешь?

– Придётся домой, узнаешь. Давай, иди. А я пока посижу, подумаю, как можно с этой чёртовой ведьмой разобраться...

9. В логове

Я вернулся домой.

Катьке стало хуже. Белизна распространялась по ноге. Катьке не было больно, наоборот, если надавить на белизну, ничего не чувствовалось.

В свёртке, который передала мне Лерка, был колокольчик. Маленький серебряный колокольчик. И записка с одним словом:

«Звоните».

Я прицепил колокольчик к лампе в Катькиной комнате и привязал к язычку верёвочку, а к верёвочке листок бумаги. Бумага колебалась от движений воздуха, и колокольчик потихоньку позвякивал.

Закрыв дверь, задёрнул жалюзи и вышел в Сеть. Попытался заглянуть на «Мертвец. ру», но сайт не работал. Тогда решил проверить почту. Запустил почтовый обозреватель и обнаружил, что мне пришло письмо. Открыл.

Письмо было такое:

«ТВОЁ ИМЯ – БРАТ. ВСТРЕТИМСЯ. МЕРТВЕЦ».

Дальше следовал адрес сайта. Я вбил его в адресную строку и нажал ввод. Сайт был совершенно левый, что-то для любителей собирания грибов. Я сразу же зашёл на чат и окупился в тонкости собирания рыжиков, засолки груздей и охоты со свиньями за русскими трюфелями. Посетителей было немного, Мертвеца среди них не было. Я подождал, не появится ли он, он не появился. Тогда я вбил первую фразу:

ПРИВЕТ, МЕРТВЕЦ. ЭТО БРАТ.

Он ответил почти сразу:

КАК СЕСТРА?

Интересно, каким образом Мертвец узнал про Катьку? На «Мертвец. ру» я поместил только рассказ о визите Гороха, про Катьку я ничего не писал. Но я не стал об этом спрашивать, я ответил:

ПЛОХО. ОЧЕНЬ.

На экране высветился вопрос:

БЕЛОЕ ИЛИ КРАСНОЕ?

Сначала я не понял, потом догадался, что Мертвец спрашивает про Катькину болезнь, и настучал на клавиатуре:

БЕЛОЕ.

Мертвец ответил:

БЕЛОЕ ХУЖЕ. ОНО БЫСТРЕЕ.

Мне не оставалось ничего другого, как написать:

И ЧТО МНЕ ТЕПЕРЬ ДЕЛАТЬ?

Мертвец написал не сразу. Прошло минут пять. Потом на экране возникло:

ПЛОХО. ОСТАЛОСЬ МАЛО ВРЕМЕНИ. ДНЕЙ ПЯТЬ. ПОТОМ ОНО
СОЖРЁТ ТВОЮ СЕСТРУ. ЛУЧШЕ ПОСПЕШИТЬ.

Я спросил:

КАК ПОСПЕШИТЬ-ТО? КАК СНЯТЬ ПРОКЛЯТЬЕ?

Ответ пришёл почти сразу:

ПРОКЛЯТЬЕ НЕ НОСКИ, СНЯТЬ НЕЛЬЗЯ.

Я не понял и повторил вопрос:

КАК СНЯТЬ?

Мертвец ответил:

ТЫ ДОЛЖЕН ЕЁ ГРОХНУТЬ.

Я вздрогнул. А Мертвец продолжал:

ОСИНОВЫЙ КОЛ – ЭТО НАВЕРНЯКА. МОЖНО СЖЕЧЬ, ЭТО
ТОЖЕ НЕПЛОХО. ЕСЛИ У ТЕБЯ ЕСТЬ РУЖЬЁ...

Я перебил Мертвеца:

МНЕ ТРИНАДЦАТЬ ЛЕТ, Я НЕ МОГУ. НУЖНО ЧТО-ТО ДРУГОЕ.

Мертвец не отвечал долго. Любители свинушек продолжали болтать о способах приготовления деликатесной грибной икры и яиц, фаршированных тушёными боровиками. Я им позавидовал и даже подумал, что когда всё это кончится, я возьму и тоже запишусь в какое-нибудь общество, например в общество собирателей чугунных батарей или в клуб добровольных искателей Атлантиды.

И когда я уже принялся развивать в голове планы и способы отыскания этой самой Атлантиды, откликнулся Мертвец:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.